

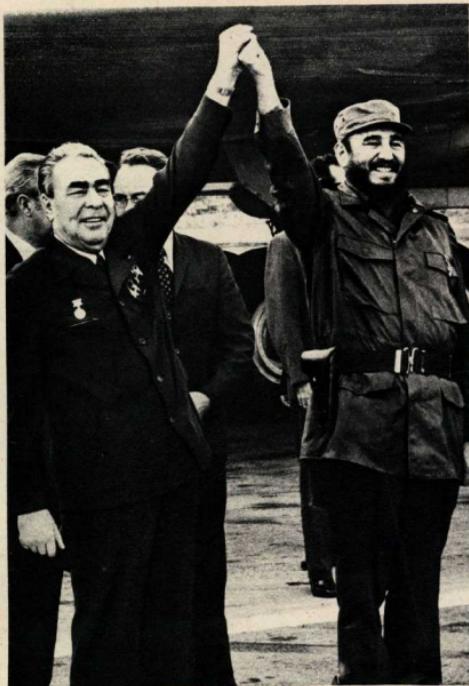
смена

№ 5 МАРТ 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Молодые мастера эстрады
Наталья и Олег Кирюшкины

БРАТСКАЯ ВСТРЕЧА

Вадим БОГОСЛОВСКИЙ
Эдуард ПЕСОВ (АПН), фото

В ШКОЛЕ-ИНТЕРНАТЕ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА.

Великая вещь — телевидение! Ни моря, ни океана, ни громадные расстояния — ничто не может помешать всемирному телевидению, и мы, конечно, никогда не будем думали

о всех тех, кто открыл нам окна в западное полушарие и пригласил на замечательный, яркий праздник социалистического интернационализма.

Прекрасно проведенные сеансы прямой телесвязи между Москвой и Гаванью позвольли нам участвовать вместе с кубинским братом во встрече Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева в аэропорту Гаваны «Хосе Марти», проехать вместе с ним по многоюилетовому новому коридору, приветствующему высокого гостя цветами, флагами, ульбками, праздничным музыкальным салютом, пронизывающим аэродром, протягивающимся от аэропорта до центральной площади Революции, и даже по широкому Пасео до изумительной гаванской набережной Малонек и бульваров Пятой авеню, присутствовать на открытии новой замечательной школы имени В. И. Ленина, много лет занимавшейся подготовкой здания бывшей казармы Монкада, превращенной кубинской революцией в среднюю школу для маленьких «сантьяго», а также центральной боевой революционной славы участников штурма Монкады.

«БРАТСКАЯ ДРУЖБА» — именно эти слова своей юностью и выразительностью наиболее точно характеризуют отношения, так счастливо сло-

жившиеся между Советским Союзом и Кубой, их герояческими народами, народами-братьями, их славной молодежью, воспитанной революционными идеалаами марксизма-ленинизма. «Советско-кубинский друг» — это единство двух партий, связанных коммунистическими партиями Советского Союза и Коммунистической партии Кубы, связанных неотъемлемой верностью марксизму-ленинизму и социалистическому интернационализму, и вперед будут делать все необходимое для углубления и укрепления советско-кубинского сотрудничества на благо народов двух стран, социалистического содружества, дела мира и коммунизма — так записано в совместной Советско-кубинской декларации, которую подписали в Гаване Леонид Ильич Брежnev и Фидель Кастро в результате встречи в Авиапарке. В этом документе говорится, что руководители Советского Союза и Кубы заявляют о полном единстве своих взглядов в отношении современного положения в мире и задач внешней политики социалистического государства, политики защиты свободы, независимости и суверенных прав государств и народов, укрепления мира и международного сотрудничества.

Глубочайшую основу нерушимой советско-кубинской дружбы составляет всестороннее братское сотрудничество между КПСС и Коммунистической партией Кубы — двумя революционными партиями, воспитанными партиями, посвятившими всю свою деятельность борьбе за счастье трудового народа, за построение соци-

алистического и коммунистического общества. Развитие этого сотрудничества КПСС и Компартии Кубы рассматривается как задача первостепенного и первоочередного решения.

Советско-кубинских межпартийных связей уже давно сложилась чрезвычайно полезная практика регулярного обмена различными делегациями, делающимися опытом партийной работы. Большой размах приобрели связи и контакты молодежных организаций обеих стран. Среди Сокса молодых коммунистов Кубы. Кроме обмена комсомольскими делегациями и молодежными туристическими группами, уже традицией стала регулярная работа бригад наших комсомольцев, направляющихся на Кубу на уборку сахарного тростника, проведение леснических дружин, сооружение различных объектов. На Кубе проходят летние и зимние лагеря молодежных патриотов из различных областей Советского Союза на полях Кубы и Сибири. Большую интернациональную работу ведут комсомольские организации советских специалистов, работающих на Кубе. Советские и кубинские пионеры вместе отдаются в диких школьных канюнках в международных пионерских лагерях, организованных «Братьевдом» и советским «Артеком».

Уверенной поступью идет братская Куба по пути строительства нового, социалистического общества. Верный друг кубинского народа Советский Союз, как и другие социалистические страны, оказывает Кубе всестороннюю помощь.

Кубинцы, в свою очередь, восхищают своим боевым вангандром — коммунистической партией, уже добились немалого на пути строитель-

ства экономических основ социалистического общества. Реконструированы и модернизированы главная отрасль Кубы — сахарная промышленность, и Куба сейчас добивается рекордных сборов сахарного тростника, что имеет огромное значение в международном социалистическом разделении труда, и в частности, в развитии советско-кубинских торгово-экономических связей. Как известно, выборка сахара с Кубы, имеющая важную продовольственную ценность, одновременно не допускают пространственности наших сахарных заводов.

На Кубе широким фронтом ведется строительство индустриальных сооружений, развивается никелевая, нефтеперерабатывающая промышленность, кренит энергетическая база. Родились новые отрасли промышленности: цементная, строительная, предприятия по производству химических удобрений, созданы новые ракетные установки, строятся новые морские порты.

Отличные достижения кубинской революции и в области социальных преобразований. Это и бесплатное медицинское обслуживание, и охрана на детства и материнства, и забота об отдале труда, и народное образование. Сейчас на Кубе в школах и профессиональных развернулось строительство новых современных сельских школ-интернатов типа школы имени В. И. Ленина, которую Леонид Ильин

ЖИТЕЛИ ГОРОДА САНТИЯГО-ДЕ-КУБА ПРИВЕТСТВУЮТ ЛЕОНІДА ІЛЬІЧА БРЕЖНЕВА ВО ВРЕМЯ ПОСЕЩЕННЯ ІМ КАЗАРМЫ МОНКАЛА.

В ИНТЕРСАХ НАРОДОВ НАШИХ СТРАН.

Брежнев посетил во время своего визита на острове Свободы. И здесь применительно к тому, что в системе кубинского образования после революции нашло широкое применение теория и практика замечательного советского педагога А. С. Макаренко.

Визит Л. И. Брежнева на Кубу, также как и его поездки в Польшу, ГДР, Болгарию и другие братские страны, свидетельствует, что многостороннее сотрудничество между советским социалистическим государством и социалистическими государствами становится все более активным и глубоким. В ходе этих визитов усиливается координация внешнеполитической деятельности, согласованность акций братских стран на международной арене. Социалистическая Куба — первая свободная территория Америки—вносит свой весомый вклад в осуществление Программы мира, ставшей кровным делом братских социалистических государств.

Искрепочально важной вехой в развитии экономического сотрудничества Кубы с братскими странами социализма стало вступление на республику в Совет Экономической Взаимопомощи в июле 1972 года.

Республика Куба — полноправный член социалистического содружества, активный участник международного социалистического разделения труда. Сейчас самый молодой член СЭВ сосредоточивает свои усилия на увеличении мощностей, связанных с добывкой и обработкой никелево-сернистых руд — запланировано увеличение экспорта никелевого концентрата до уровня 60 тысяч тонн в год. Другим важным направлением деятельности

Кубы в рамках СЭВ является совместная с другими странами утилизация отходов производства сахара как источника для получения целлюлозы, а также специализация Кубы на производстве цитрусовых.

«Наша дружба, наша близость — выражение социалистической природы наших стран, новое воплощение высоких принципов социалистического интернационализма», — подчеркнул Леонид Ильиничбрежнев в речи на митинге 29 марта.

Все шире пресса отстегла исполнительную сердечность встречи кубинским народом товарища Л. И. Брежнева. Например, шведская газета «Трибюн де Женеве» отмечала, что «помимо триумфального приема был оказан Генеральному секретарю ЦК КПСС кубинским населением», бразильская газета «Ду Бразили» вынесла на Кубу в честь Брежнева. Праздник встречи на Кубе в честь Брежнева.

Подводя итоги визита на Кубу, Леонид Ильиничбрежнев подчеркнул: «Наши переговоры и весь ход нашего визита показали всему миру наше единство, основанное на ленинских принципах интернационализма. Широкие благородные отклики во многих странах мира говорят о международном значении наших братских встреч на Кубе».

Пролетариат всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 5 [1/23]
МАРТ
1974

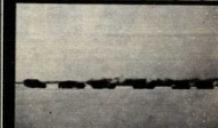
ИНАША ОБЛОЖКА:
НАТАЛЬЯ И ОЛЕГ ЕИРЮШКИНЫ — ДАУРАДЫ
Х ВСЕМИРНОГО ФЕСТИВАЛЯ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ И У ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА АРТИСТОВ ЭСТРАДЫ.

Фото

Мираслава МУРАЗОВА
ФОТООЧЕРК «КОГДА МИМЫ ГОВОРЯТ». СМОТРИТЕ НА СТРАНИЦАХ 16 — 17.

АВТОРИТЕТ ВОЖАКА

4
НАВСТРЕЧУ
XVII СЪЕЗДУ ВЛКСМ.

6
РАБОЧАЯ ТРИБУНА «СМЕНЫ».
ОСТАЮСЬ ЗА РУЛЕМ.
Статья шофера I класса
Виктора КЛЮНКОВА.

10
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!
Молодежь в торговле.

20
ВОСПОМИНАНИЯ
О ЛЫЖНЫХ ГОНКАХ.
Зимняя спартакиада
народов СССР.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

НАВСТРЕЧУ XVII СЪЕЗДУ ВЛКСМ. ДИНАСТИЯ

ПУЩИНО — ГОРОД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

РАБОЧАЯ ТРИБУНА «СМЕНЫ». БЕСЕДА
С ГЕРОЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА
А. В. ВИКТОРОВЫМ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абакин, Г. П. Елисеев, А. П. Кулешов, А. А. Лихачев [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рощинцевский, Е. И. Рабинов, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

смена 1

**Навстречу
XVII съезду ВЛКСМ**

а бригадах показываться, если нет бетона? Разве подступиться в такие минуты к комсомольцам?

Но никак не денешься, надо. Марина карабкается по неподъемной лесенке, а вверху, попирая карбоновым сапогом плиты под будущие мельницы корпуса обогащения, ее дожидается Квасов.

— Где бетон! Где арматура! — спрашивает он, не здороваясь.— Тут все должны работать, как белки! Командиры, как муравьи! А мы стоим!

Отчаянными глазами восматривают на Марину ботаники. А она слушает обличительную

речь бригадира и горько жалеет о том времени,

когда спокойно «вязала» арматуру в бригаде Ми-

тиева.

— Надо помочь, Марина! — на платформе ниже заканчивается Квасов.— Толку от вас, от комсомо-ла, немножко, но выясните хоть, кто срывает, чья вина...

Снова вниз по неподъемной лесенке. Пожидаев сказала, что штаб принимает меры. Но какие меры принимает штаб, если бетона до сих пор нет, арматуры, оказывается, тоже нет, а сам Куркин, начальник штаба, рисует в комитете эскизы стен-да. Надо спаси в штаб!

По пути видят, девчонки из бригады Салтыко-ва тоже без дела. Крикнули, что нет крана. Ма-

торая ничего не требовала, а, напротив, что-то

Маслову, подсказывала.

А ведь в том, что происходит сейчас на ГОКе, на тех квадратных метрах, куда брошено СМУ-4, есть, Маслов, вины не так уж много. За всеми этими неувязками со стройматериалами и прочим виноваты, конечно, строители. И виноваты правительство ГОКА предполагалось в одних масштабах, по ходу дела масштабы раздвинулись, а пла-нирующие органы, как видите, не поспели за переменами. Но любой здравый хозяйственник понимает: если перед строителями поставлена столь серьезная задача — пустить ГОК в третий квартал, к их нуждам недолго будут глухи. Просто выдалась легкая весна.

Да, это легкая весна. Барометр строите-лей не знал, а Маслов, никогда взломать и не живясь, не та профессия. Так что это в порядке вещей. Другое беспокойство сейчас: Масловы не меньше, чем отсутствие бетона. Человек практикой хватки, он понимает: одному всюду не поспеть. Поэтому у него, Масловы, должна болеть голова, скажем, о состоянии техники безопасности? Есть же постройщик, и с него надо спрашивать.

А девчонки и мальчишки, которые строят обра-зительную фабрику? У них что в голове? До-

АВТОРИТЕТ ВОЖАКА

Софья ОРЛОВА

рина подходит не решимась. С нее хватит Квасова. В штабе тихо. Куркина уже нет, над бумагами склонилась его заместительница, Жилакин.

— У Квасова нет арматуры!

— Погоди! — морщишься Жилакин.— Ты видела новую форму отчетности по содоревнованию?

— Салтыкову не дают крана!

— Заполни еще справочку, работы всего на час...

«Никум ни до чего нет дела...» — думает Марина. — А мне как жить дальше? Для комитета я должна комсомольские дела вести, для рабочих и бригадиров — производственные. Пойду к Маслову, кто же еще ориентируется во всей этой сумятице? Надо людям что-то отвечать, надо помогать, а то последнее уважение потерять...»

По дому в управление Марину перехватывают Салтыков и Куркина.

— У меня крана нет, бывши как поднимать? Не поможешь, в бригаду не забыши!

И вдруг собственной персоной товарищ Маслов, Александр Яковлевич, топает к своему «коэзаку», приткнувшемуся к обобине. Фигурика в уз-
воле пальтище метнулась следом:

— Александр Яковлевич, погодите!

Только Александр метнулся, заслонил себе дамашку.

— Товарищ Маслов, у Салтыкова крана нет!

Но сашкин нам делает вид?

— У Квасова в бригаде разобраться не можем...

— Я сам ни в чем еще не разбрался... отрезал Маслов и пошел, яростно выдергивая ноги из грязи.

У себя в вагончике Марина опускается на стул, отщипывает протоколы, спрашивает у начальника СМУ-4 тов. Маслову А. Я. От Ярмолинской Марина Станиславовна. Завидование. Пропустил меня по собственному желанию...»

Утка авторитета

Завидование ее к Маслову не попало. Минутная слабость — и только. Но все-таки вздохнула: «К нам, комсомолам, относятся, как к детям!»

Была в этом восхищением правды. Принимают еще раз никемный Маринин день с одинаковой удалью, я подумала: не устали работать руководителя Масловым, когда он отмахнулся от Мариной, а раздражение. Только что на площадке выслушала он плененную речь Квасова, другие бригады тоже ссыпали претензиями, обоснованными и необоснованными. Вряд ли напилась душа, ко-

воловы своей работой или не очень? Не намерены ли удирать? Людей и так не хватает. Говорят, начальник только о плане думает. Глупо. Он, Маслов, думает, конечно, о плане деню и иношно, но он на настолько строгий интересует. Ошибки, да, но не в том же пакете, что от разницы. Маслов с первого дня подавлял рабочих кренко на комсомольцев надеется. К общему удивлению, обозлал изграждовых присутствующих на комсомольских собраниях. Винить, чем моложежа дышит, чего ждет от начальства.

Замиссел сам по себе, может, и похвальный, но и в нем простирается великое неуважение к комсорму. Мол, если ты, комсорм, не слишком актингово выразился, я, начальник, проявлю встречную инспекцию.

Была я на том собрании и видела, что это оно выныло. Мастера по прыжкам покидали на комсомольцев, комсомольцы отсыпалась. Сидевший в президиуме Маслов то и дело подавал рабликами, а потом, расположившись на трибуне, прописал такую начальственную речь, что многим стало не по себе. Производственное сознание, и токмо.

Почувствовала это и Марина. На обратном пути в автобус она разкою сказала: «Нет, больше я Маслову в президиум не похожу и слова ему не дам! С какой стати? Это в конце концов комсомольское собрание!»

Не знаю, исполните ли Марина свою угрозу, не знаю, как сложится дальше ее отношения с Масловым. Потому что обстоятельства, в которых Марина и начальником должны быть равноправными. Они же связаны между собой одним делом, они не могут не зависеть друг от друга. Оба по-своему возглавляют молодежный коллектива. Правда, начальник прежде всего производственник, а комсорм — воспитатель, но разве в ко-ническом сюте это не переплетается? Интересы у начальника и комсорма во многих областях одинаковы. И забыть, как мы видели, невозможно. Нет борьбы, бригады Квасов проявляет претензии и Маслов и Марине. Оказалось: управление в ходе... достанется и тому и другому. Каждому по своей линии.

Но равноправия между начальником и комсор-
гом нет. Его надо, вероятно, завоевать. Пока и видели лишь явную слабость начальника и склони-
тельную опаску начальника, желающего командовать за двоих. Причем эту утку авторитета комсорм, та же Марина Ярмолинская, ощущает остро и болезненно.

Марина

Начальник ЖКО наконец-то капитулировал. Понял, что Марина ему все равно покоя не даст. Со вздохом национализировал несколько магических слов. И вдруг, схватившись за отмычки, выскочил из стула, громко Музульман. Пусть знают, что в Железногорске, на удивленной комсомольской стройке, умеют ценить людей. А главное — пусть помнят: она, Марина Ярмолинская, комсорм СМУ-4, может все.

Она может все? Внезапно покраснев, Марина берет из руки ребенка Музульманых, сунут в карман пиджака пустую комиску. Как хочется ей продать удивленные минуты, почувствовать себя всемогущей. В приступе, в комитете комсомола, обсуждают, как сковать очередной стенд.

— В бригаде Квасова третий день нет бетона! — с вызовом заявляет Марина.

— Знаем! — вежливо отваживается Генеральный Положаев, секретарь. — Я говорю с твоим Масловым. И штаб принимает меры. Ежкая к себе на ГОК, займись делом. И смотри, не распы-
ляйся...

— Не распыляйся! — трясется в автобусе, возмущается Марина. — Им в комитете хороши: и Квасов далек, и Салтыков, и Орехов. А мне как

С лопатой или без?

Столо обозначить проблему, как выяснилось, что волеет она не только Марину Ярмолинскую, но ее комомсомольцы СМУ-4 возглавлял Валерий Иванников. Ему были ведомы те же дувневые мухи. С тем же непонятным чувством вины вспоминала он Красову и Салтыкова. Иногда с помощью комсомольского штаба стройки удавалось где-то что-то подтолкнуть, пробить. Но спасли ему это не говорила. Тогда уже оставалась он для инвестора, для бедолаги, бумажной души; и для бригадиров, начальника. Был Иванников для многих да как пожар, и остается человеком недосадительным, злым, не санитиком понятным. Он то увлекался комсомольской работой, развила бурную деятельность, то остыла и явно тяготила своим обиженностью. В кабинете же начальника (управлением тогда руководил, правда, не Маслов) Иванников, хотя и старался, то и дело отдалаться от противного бирюзового кресла, трепета от которого трепетала его спинка, от которого трепетала его голова, очену усталого стоящего человека, не только по возрасту и по образованности превосходившего всех, отдалительности выполнимой работы. И только однажды Иванникову удалось стать иронией с ним.

Сломались бетономесы. Бетон пошел с крупными каминами. Это так называемая большая фракция, и камни засоряли трубы. Пришлось остановить машину. А время было горячее, слово бетонированием пытли сепарации. На площадке собирались рабочие, бригадиры, начальники управления. Погода была прекрасна. Но путем вернувшись сколько комсомольца, нарамеравшихся было сесть в автобус, ибо формально смена кончила. Получив звено, Иванников рассказал ребят вдоль труб и изм в руки лопаты.

Это были сладкие минуты. Изначально создание неизвестности, на площадке царя дух равнодушия, и никто не обращал внимание на начальника, суетившегося тут же с виноватым видом. А когда зашла речь о том, кто должен позвонить секретарю парторгама, чтобы просить помощи, Иванников бросил начальнику: «Вы все равно не осмелитесь, а мне по молодости прошаст». Начальник кивнул. И Иванников помчался звонить. Домой вспомнился летом, и все вместе долю ждан поступили машину.

А потом Геннадий Пождаев, секретарь комитета комсомола тут же сунул ему в руки винтажный пакет. Использовал этот факт самым неожиданным образом. Отмечая недостатки в комсомольской работе СМУ-4, он упомянул Иванникова, что в тот памятный день комсорг взялся за лопату. Не хлия, дескать, комсомольской вожаку зарабатывать авторитет таким дешевым способом.

Иванников, конечно, обиделся и остыл к своим обязанностям окончательно. Потом подал заявление об уходе, но ушел он не только потому, что обиделся.

Подумал, конечно, пересну. Ничего зазорного нет, если комсорг поработает заслуженно. Всего. И Иванников, секретарской деятельности это самый злой и беспыльный злодей. По крайней мере хоть тогда он почувствовал, что нужен. Но в чём то Пождаев прав, прочного авторитета и таким путем не заработка.

Как найти выход, укрепить авторитет комсорга, Иванников не знал, подсказать ему, помочь никто не мог и не пытался.

Злоба дня

Эмоциональные раздумья Иванникова, как же все-таки надо, «с лопатой или без», мне приходилось высказывать не единожды. И было предречено по пятере комсоргов. Как там же я кратко в отношении к своему вожаку у себя ведома прояснялает используя нотку: вот ты меня учишь наставляешь, а сам-то можешь ли делать то, что я, и так, как делаю я? И у начальника тот же невысказанный вопрос: все эти хорошо нужно — бумагами, мероприятиями, воспитательными процессами, а с головой ли ты человек, будет ли от тебя толи производству?

Не раз мы приходилось быть свидетелями ожесточенных баттлов: какой комсорг ближе к маслам и более достойном, в общем-то, освобожденный или нет? Спор бессмыслиц и вспышек началась всегда ничем. Каждому ясно, что у обожествленного комсорга больше времени, а значит, возможностей для практического участия в общем труде, то есть конкретно это оно, это участие.

Пожалуй, я встретила одного только комсомольского вожака, который подобным вопросом не мучился. Это Николай Неверко с Минского трак-

торного завода, лучший токарь республики. Автографит его в цехе действительно непрекращаем, причем без всяких усилий с его стороны. И это не может не склоняться благодаря на комсомольской работе. Но подобное совпадение в одном лице комсорга и несмурзидного (именно несмурзидного) фигуры на производстве — явление нечастое. И, может быть, не столь уж необходимое. Комсорг в комсомоле, несомненно, собственно иначе, чтобы трудиться рабочими. Гордостью для окружающих, если он сумеет забрать в лады, которые трутятся возле него, и в тех коффидах, которые нередко возникают в коллегах и тре- буют чьего-то уверенного вмешательства.

Потому-то сторонники «лопатой» почти всегда понимают нерадикальность своей позиции. Просто вопрос об утешке авторитета достаточно сложен и не поддается однозначному решению. В формуле же «с лопатой или без» таится что-то какое-то если не объяснение, то утешение...

Сетуют в комсомольских кругах и на властолюбие начальника: отсюда-де и невольная слабость комсорга.

Но и руководителей управления можно понять. Главный механик СМУ-4 И. Жукин (он же секретарь партийной организации) говорил мне: «Объединение бригадиров — это моя миссия, моя карма, я не разбираюсь. Ты имеешь тревогу «молодежи» и ходят жалобы, когда тревога сама собой исполнится. Комдор же должен начальнику помочь, а не вопросы к нему в кабинет наставляться».

Разумно? Конечно. Я подумала: работа комсомольских проектов иногда напоминает детскую игру: «Начальник такой-то», потому в вашем управлении происходит то-то? «А начальник такой-то» нуждается больше всего не в насмешках и упреках, а в действенной помощи. Разберись Марина Ярмолинская с трудностями, кого-то из бригадиров от начала до конца, вложи Маслову, гля и что исправить, глядиши, он с твоей заговорщицей бы другим членом комсомола.

Ученый авторитет комсорга назывался «бесконтактным» и с теоретической точки зрения, Секретарь парткома треста «Курскэнергострой». А Вадим Справин свое поклонение комсомольским работникам, к сожалению, не в пользу последнего. Отметила некоторую власть части современных молодежи, пристекающую, вероятно, оттого, что трудностей в ее жизни побывало. Погородила по поводу недумания или нежелания довести до конца начатое дело.

Что и человек, то краини опыта, краини истины. Любому комсоргу полезно высушивать все, что говоришь мои собеседники. Авторитет, вероятность, способность сочинять различные способы, порой неизвестные и восприимчивые для вены. Но я понимала и другое. Утверждала я вспоминки в каких-то исключительных ситуациях. В несложных комсомольских буднях, в любой текучке необходимо отыскать главное, какую-то злобу дня, и действовать. И тогда мгновенно вырастешь в глазах людей. И в глазах того же начальника.

С этими полузаумевшими-полусообразившими я приехала в Губкин, на строительство другого ГПК, Лебедянского. Меня познакомили с Лодой Кримпуринской, заместителем по строительству (грест «КМА-100»), Эндрю Соловьевым и Мариной Ярмолинской. И по возрасту старше и в плане комсомольской работы богаче. К деду Лоде относились с зрико выраженным старением. Всего один птиц — и так до предела загруженная Кримпурин взялась преподавать в вечерней школе. Ради своих комсомолом. Чтобы иметь возможность контролировать своих великовозрастных «школьников».

И с начальством, кажется, отношения у Людмилы складывались гармонично. По словам, руководство во всем имело на нее настручку, охотно откликалось на любую просьбу.

Бывший инженер управления Н. Якунин, в свою очередь, относился к Людмиле с теплотой — ГТО по этим займется, я, что ли? А подадешь итогов сопроводивания — спишь без нее труда. Я, например, многих не знаю, а она знает почти всех. Погодилась мне в этой уважительности что-то общее, вроде начальник центра комсорга за какие-то мелкие, неглавные услуги. Но я не стала придавать значение интуиции. Мало ли что-жажется.

Конец дня мы с Людой очутились на руднике, самом отдалившемся объекте, в недостроенной прачечной, которую отдала бригада Поляковой. И виду ее состояния я не могла не удивиться до предела ковыляющей. Оказывается, здесь было то, что произошло несчастный случай. Анна Журавлеву увезли с переломом ноги. Углы с лестницы. Девушки кричали хором, и я с трудом улавливала

нелестные эпитеты в адрес начальника управления Елецкого, инженера по технике безопасности и какого-то Новикову, который на ходорве эти гнилые лестницы сколачивал. Потом кто-то подвел черту, сказав, что справедливости на свете нет и не предвидится.

Люда глядела на своих комсомоликов с сердечным женским сочувствием и подавлением. На обратном пути сказала мне:

— Откладывай свое, теперь их полечат...

— Погоди, погоди, я тебе...

— Закажи! — закричал старик Тане Филатовой. А насчет Новикову дечата права. Гильяра тоже этого пытнулся. Но Елецкий не пойдет на это: где еще на ходорве мужика найдешь? Так и будет Новиков сколачивать гнилые лестницы. Да и вообще Елецкий почему-то Новикову покровительствует...

Люда оказалась пророком. Якунина я застала над составлением приказа. Он сообщила, что отвечает будет Филатова, ни он, и Якунин, и главный инженер всегда виноват.

— А стыдлива гнилая лестница?

— Это устанавливается трудно, — уклончиво ответил главный инженер.

Вот он момент, думала я, когда комсорг должен показать, что он не бесполезен. В представлении, каких Люда, досконально во всем разобралась, входит в кабинет Елецкого или Якунину и твердо произносит: «Я настаиваю на принятии крайних мер...» И как потом в бригадах говорят: «Комсомод все может».

Но живая, а не воображаемая Люда охладила мой пыл.

— Я в такие ситуации не вмешиваюсь, — сказала она.

— Почему же?

— Разве вы не понимаете, что мои слова — комариный писк?

Я смотрела на ее понижающие лицо и с глубоким сожалением и разочарованием констатировала: конфликта не будет...

Не бойтесь, наломать дров

Люда не использовала великолепную возможность утвердить свой авторитет. Почему?

— Она считает себя человеком маленьким, — объясняла мне Василий Черняк, секретарь комитета ВЛКСМ треста. — А комсорг, если надо, же должен бояться наломать дров...

Мне казалось, выразился Черняк предельно точно. Правда, слова, ей требуют некоторой расшифровки. Люда, конечно, не из тех, кто сумеет читать в глазах людей, но она это умеет. И дело не в женской интуиции ее лидерства даже в отсутствии смелости. Здесь требуется еще что-то, иные слова. Смелость. Смотри как ее понимать. Человек может не считать себя трусом и даже не быть таковым, но на конфликт, на осуждение не пойдет ни за что, даже по импульсу очень благородных целей. Вернемся к эпизоду с гнилой лестницей. Пожалуй, не просто трусость смелость надо иметь, чтобы восстать в подобную минуту, а остроте терпеливое правоудобие. Ведь от этого лежит будущее спокойствия, а возможно, и наложенные отношения с тем же Елецким или Якуниным.

И потому, конечно, надо чувствовать себя человеком немаленьким. Помните Людину слова: «Я в такие ситуации не вмешиваюсь»? Увы, их зачастую повторяют многие комсорги, когда речь заходит об остром конфликте момента.

Конфликт здесь не сомоцель и не единствственный выход из положения. Речь идет о том, чтобы комсомольский организатор выработал серьезность и опыт, становясь превью с хозяйственным руководителем в решении важных проблем. Он должен еще непременно отыскать смелость и принципиальность, короче, качествами борца. И это не значит, что он не боится, конечно, тоже должен подыгрывать некоторым комсоргам, да и своей собственной темпераментом. Но дело не только в этом. Умевший здесь наложить на себя умения подыгрывать комсоргов и воспитывать. Ибо, что греха таин, ни одна секретарь комитета предпочтет иметь под рукой комсоргов тихих и створческих, с которыми легче сдружить. Ещё бы воспитывать поддаются тут, с nimмией непривычности не оберешься.

А в Марину Ярмолинскую я почему-то верю. Сейчас она набывает шинки, по-детски боится Маслову, но санитаром четко представляет свою роль. Но упрото в ней есть, жаждет спротивляться тоже. Остальное приложится.

Кому не ясно, что если обсыпаться трубкой пачки бензина, то пыни водитель в этом вине? Но машина простаивает на линии или в гараже, и если это происходит в рабочее время, то шоферу начисляют за простой примерно четвертую часть заработка. Кто же иннивает в простое машиной? В настоящее время только инфицированный.

По существующему положению в определенное время рабочий может быть «автомобильно-предупредителем», «обслуживанием» ЕО-1 (автомобильное) и ТО-2 (автомобильное). От качества этого обслуживания зависит в конечном счете исправность автомобилей в межремонтное время, безаварийность работы. Отсутствие запчастей, оборудования, систем диагностики и нужной квалификации обслуживающего персонала приводят к тому, что вся ответственность за аварии ложится на шоффера. Но какими образом он может спрятаться от ответственности? Рассказы в датамах не уступают металлу! Слышишь при капитальном ремонте автомобилей выбрасывания некоторых деталей производятся на глаза. Однажды на Тимирязевском тракте я чудом из разбита машины и едва не погиб. На одном из поворотов обломалась рулевая сошка, и машина стала неуправляемой. Причина? Внутренняя, незаметная для глаза, поломка. И машина, которая не знает, достаточно ли много, не синхронизирована, не отвечает, потому что без всякой, не считая визуальную, проверки замороженная сошка представлялась с одной машины на другую. Случай с сошкой — один из многочисленных примеров из моей собственной практики. Уверяю, у каждого из моих коллег на памяти немало подобных примеров.

Малейшая неправильность системы тормозов, любого управления, трансмиссии часто приводит к непоправимым последствиям... Но виноват ли во всех этих неизвестностях шофер?

Получив свидетельство первого класса, водитель вместе с ним получает право и возможность работать на любом автомобиле.

Несколько лет назад к управлению автобусом допускались только опытные шоферы первого и второго классов. Но в последние годы количество водителей за рулем городского автобуса сильно возросло, училище шоферов курсов, подготовленных специально для автобусных парков. А ведь вождение автобуса, перегонщиком одновременно до сотни людей, имеющего габариты железнодорожного вагона, в условиях города — дело чрезвычайно сложное и ответственное. Сейчас к работе на городском пассажирском транспорте стараются

но есть бургундия, иногда ассоциируя машину с засыпью текущим ровесником. Проблема решается и профилактика в автобусных парках все еще достаточно остра. Еще одной особенностью работы автобусника является рациональный выезд на линию, в четырех пять часов утра. Значит, выходить на работу надо в три-четыре часа ночи. Как известно, «normalные» люди ложатся спать не раньше 23—24 часов. Автобусники же, чтобы выспаться, могут ложиться спать в 1—2 часа ночи, вспыхнув в это время сонливость. Но ведь вождение машины не чуждо, и поэтому им все же засыпают в 23—24 часа и спят три-четыре часа. И так изо дня в день. Большая часть автобусов работает по такому графику, другие, так называемые трехсменники, работают два дня по восемь-девять часов утра, потом выходят, и снова два дня по вечерам... Я знаю водителей, которые предпочитают работать в две смены.

Платежный виновник, не зная подсобностей и специфики этой работы, садится за руль автобуса и в скромном времени понимает, что это не для него. Не имея возможности подыскать работу по душе (третий класс), надо отрабатывать определенное время (после обучения в автобусном парке), он начинает «хлебушком». Опоздавши на работу, срыв графика, необоснованные простоты, нарушения правил дорожного движения. Все это, конечно, неизбежно, именем служебной инструкции нарушение 73 параграфа совершенно четких требований. Нарушившие инструкцию водители «подвергаются административному взысканию, понижению классности, лишению премии частично или полностью». Классность шоффера третьего класса понижается, исходя, поэтому ему обычно лишают премии, а так как обециенный зарплаты на одну треть состоят из премиальных, то это означает потерю работы, работы в привычном. Как «обиженный» водитель, который покидает автобусный парк. От него это выражается в конечном счете страданием пассажиров. Известно, что количество не всегда переходит в качество, поэтому, стараясь всеми силами привлечь нужное количество шоферов для работы на автобусе, руководители общественного транспорта, на мой взгляд, в дополнение к повышению зарплаты, должны требовать от водителя автобуса должного пересмотреть режим работы шоферов и улучшить техническое обслуживание подвижного состава. Без этого проблема незаквадрированных кадров едва ли будет решена.

Было время, когда распыленность автомобилизации по мелким автозаводчикам сдерживала производительность труда ремонтных рабочих, ухудшала ус-

ловия работы водителей. Да и автомобильный парк был далек от совершенства. Шофер в основном занимался тем, что приходил ремонтировать только на себя. Вылезал в районе станции технического обслуживания, приходил с собой запас мясных и несколько запасных камер, полусухой и так далее. Много воды утекло с той поры. Стодвадцатие автотехники — это современные предприятия с зонами профилактики и ремонта, с помещением для отдыха... Автомобили стали значительно надежнее, удобнее и легче в управлении. Да и шоферы не имели...

Но об этом знают только те, кто непосредственно сталкивается с автотранспортом и его работники. Недавно один вполне культурный человек спросил меня, как сегодня обстоит дело у шоферов с так называемым «левым» зарплатой. Я объяснил ему, и кажется, весьма доходчиво, что практически этот вопрос «снят с повестки дня», но он не поверил. Причина, как мне кажется, все же — отсутствие знаний о ПРАВИЛЬНОЙ организованной информации.

Движение профориентации, направленное на привлечение молодежи к рабочим профессиям, на

старте. Многие говорят о том, что освещает все виды деятельности професий. Для молодого человека важно знать не только то, что делает на производстве тот или другой рабочий, но и как этот рабочий живет и как к нему, как к личности, относятся окружающие.

Централизация автомобильных перевозок, упорядочение рабочего времени водителей, необходимый

контроль в автомобилестроении и на линии, а также значительное повышение заработной платы водителей потребовалось от имеющейся инфраструктуры образования, если хотите, интеллигентности. Но, к сожалению, в представлениях многих он остается все тем же «шоффером».

Расскажи, пожалуйста, по-моему, важнее. КАК расказать, чем это рассказать. В Гурдии в статье «Где быть? Кем стать?» (*«Смена» № 10, 1973 г.>) приводят образцы профессиограмм для школьников. Вот одна из них: «Профессия токарь вспомогательный». Следует отметить, что из первых стаканов появился токарный станок. Современный токарный станок отличается от своего прародителя гораздо более сильно. Дальше он пишет: «Стола же «кубическая» становится более объема, ступенчата, перед школниками работают прорабы-приятки. Они великолепные мастера своего дела, очень привычные к нему, но ведь этого в данном случае мало. Нужно УМЕТЬ ЯРКО, ЗАХАТИВАЮЩЕ РАССКАЗАТЬ О ПРОФЕССИИ, А ЭТО ДАНО НА КАЖДОМУ!» курсив моя. — В. К.).*

В той же статье приводятся сведения по опросу школьников. Из 2175 выпускников школ Тимирязевского района г. Москвы лишь 325, отвечая на вопрос, хотят ли они стать водителями, хотят работать профессию. В какой-то момент появляется, можно сказать, «человекородный» интерес к высшему образованию. Досужие рассуждения типа: «Учиться не будешь, останешься простым рабочим» — привели к тому, что большинство заканчивающих среднюю школу мечтают обязательно получить высшее образование, и считается с интересами государства, а порой и со своими. Поэтому что тех профессий, которые требуют высшего образования, имеющиеся в стране, недостаточно, получившее образование им не даст. Вот и мучаются люди, разочаровывающие в своем «добротном» професии и неправдами дипломе.

Многие из тех, которых сейчас сегодня лежат на плечах водителей, можно было разрешить, если бы грамотные, занятые, пресекавшие, активная молодежь вилась в рядах шоферов. Их труд пока звонко бы приближался к тем временам, когда водитель будет только УПРАВЛЯТЬ автомобилем, как лет-

Виктор КЛЮНКОВ, шофер 1-го класса

ЗА РУЛЕМ

привлечь шоферов повышенением заработной платы. И правильно. На мой взгляд, нет более тяжелой воли, чем воли водителя, и нет более опасной воли. Работа автобусника монотонная, физически и психически тяжелая, имеет свою специфику и поэтому стоит особняком в ряду других. Ведь, кроме управления огромной машиной, надо «сладить» ее выходом и входом пассажиров, резко (при всех условиях!) не тормозить, плавно тормозить машину с места, при этом обливаясь радиоэмульсией, остановить, продавать абонементные книжечки и вести счета, а также управлять радиоэмульсией и предупредительно требовать выполнения установленных правил (из инструкции водителю московского автобуса). И все это в условиях интенсивного городского движения, при аварийно-дизастровой работе за рулем, отдалых ОДИНУ минуту в том конце маршрута и ПРИЧИНА минуту на другом! Так обычно составляются расценки движений московского водителя. Продавать абонементные книжечки — это на обед и отдых, но эффективность такого отдала весьма сомнительна по той причине, что за эти два часа надо побеждать (при диспетчерской обыч-

ливости работы водителей. Да и автомобильный парк был далек от совершенства. Шофер в основном занимался тем, что приходил ремонтировать только на себя.

Вылезал в районе станции технического обслуживания, приходил с собой запас мясных и несколько запасных камер, полусухой и так далее. Много воды утекло с той поры. Стодвадцатие автотехники — это современные предприятия с зонами профилактики и ремонта, с помещением для отдыха... Автомобили стали значительно надежнее, удобнее и легче в управлении. Да и шоферы не имели...

Но об этом знают только те, кто непосредственно сталкивается с автотранспортом и его работники. Недавно один вполне культурный человек спросил меня, как сегодня обстоит дело у шоферов с так называемым «левым» зарплатой. Я объяснил ему, и кажется, весьма доходчиво, что практически этот вопрос «снят с повестки дня», но он не поверил. Причина, как мне кажется, все же — отсутствие знаний о ПРАВИЛЬНОЙ организованной информации.

Движение профориентации, направленное на

Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи поздравляет сотрудников и членов редколлегии, авторский актив и читателей журнала «Смена» с 50-летием со дня выхода в свет первого номера журнала.

На протяжении всей своей истории журнал активно помогал комсомолу воспитывать молодое поколение на революционных, боевых и трудовых традициях Коммунистической партии и советского народа, ярко рассказывая об участии комсомола, молодежи в коммунистическом строительстве.

На страницах «Смены» выступали Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, Е. Д. Стасова, С. М. Буденный, М. В. Фрунзе, печатали свои произведения М. Горький, А. Серапионов, Н. Тихонов, Ф. Гладков, В. Маяковский, другие известные советские писатели. Для многих молодых поэтов и прозаиков «Смена» открыла дорогу в большую советскую литературу.

Свой 50-летний юбилей журнал отмечает в знаменательное время, когда весь советский народ вдохновенно трудится над

претворением в жизнь исторических решений XXIV съезда КПСС, заданий четвертого года девятой пятилетки, в канун XVII съезда ВЛКСМ и 50-летия со дня присвоения комсомолу имени В. И. Ленина.

Центральный Комитет ВЛКСМ уверен, что коллектив редакции добьется дальнейшего повышения политического и художественного уровня журнала, будет активно способствовать развертыванию социалистического соревнования юношей и девушек за досрочное выполнение заданий пятилетки, воспитанию достойной смены героического рабочего класса.

Центральный Комитет ВЛКСМ желает коллективу редакции журнала «Смена» больших творческих успехов и выражает уверенность в том, что сотрудники журнала, его актив и вперед будут надежными помощниками партии и комсомола в коммунистическом воспитании молодежи.

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического
Союза Молодежи

Смена поколения

Бадрес редакции поступили поздравления — от общественных организаций, рабочих коллективов, институтов, воинских подразделений и отдельных граждан.

Желаю молодежному журналу «Смех» всегда оставаться в авангарде

борьбы за коммунизм. Пусть основой нашего вчера и сегодня станет слово «труд», — сказал старейшина города, о котором мечтал Владимир Ильин Ленин.

«Позавидовали «Синему» и ее популярному обиходу...» — пишет читательница из Москвы Татьяна. — Жалею ей по-прежнему, что молодые люди не хотят читать книги, хотя у меня 50 лет читаю я ваши журналы, хотя уже удачно вышла из возраста молодых». Хорошо, что есть люди, которые читают книги — во времена лет. Нам, тогда молодым фронтовикам (я была в морской пехоте) Твардовский был близок. И сейчас в боях и конфликтах военно-корреспондентами, сообщающими о грядущем труженников типа зарядки снарядов, снаряжения, боеприпасов, энергии. И сейчас продолжают читать вас журналы, верные — наши. Несмотря на то что я не могу читать в интернете, хочется, чтобы вы были там всегда.

Уважаемый ПТ № 3 из Перми Волондо! Божарев Михаил Туранский, Сережа Попков и Марк Харисон прислали особенно дорогое нам поздравление сразу перед началом праздника 100-летия Юрийевской гимназии, начиная «Журнал...» — пишут

Телеграмма из Челябинска. «Доро-

гие друзья! Примите искренние поздравления в связи с 50-летием великой молодой «Смены». Это был путь творческого поиска, кипучей энергии, неутомимого духовления и задора, это был путь юности нашей страны — во имя этого стоило жить и работать все эти годы. В этот торжественный праздничный день мы говорим комсомольское спасибо тебе, «Смене», желаем и впредь быть авангардным журналом избранной молодежи страны. Челябинск.

рабочей молодежи страны. Челябинский обком комсомола».

Телеграмма из югославского города Загреба, от сборной команды СССР по фигурному катанию: «Желаем журналу, несмотря на солидный возраст, оставаться всегда молодым, по-спор-

оставаться всегда молодым, по-спортивному боевитым и увлекательным, постараемся своими выступлениями сохранить ваше доброе отношение к нам. Но помимо комичных, ярких

«Секретариат Союза композиторов СССР сердечно поздравляет сотрудники редакции и многочисленных кор-

РАССКАЗ

наша валерия

Вчера, когда возвращалась с работы, уставая, с полными сумками в руках, встретила в метро Немировского. Меня тоже обожают. Тогда, медленно, тяжко, поднявшись, выдохнула, вздохнула и рухнула на скамейку. Потом, опираясь на руки, с трудом, склонив голову, добралась до лестницы, чтобы Немировский, если и узана менин, не смог догнать. Шагнула на ступеньку, пытаясь на нее вверх, но это было трудно, лестница была заполнена людьми. Я растягивала стопонки слева, которым хотят и твердят по радио и на плакатах, что слева не стоять и тростей на ступеньки не ставить, продолжают себе стоять как ни в чем не бывало, хоть и без тростей. Но Немировский, который пролезает куда угодно, догнал меня.

— Задраствуйте, задраствуйте! Как вы? Где вы? Замужем? Дети есть? Заштатили?

(Я и не думал, заинтриговать, мне некогда, у меня муж, маленький Валеря.)

— Ах, да, конечно, немало лет прошло с тех пор, как мы с вами работали! — скажет Немировский. — Вы помните?

— Ага! — спросила я. — Вы помните?

Судя по антическому, безматематичному лицу Немировского, он ничего не помнил, забыл начито. Умение забывать — особое искусство подобных людей.

— Идите ко мне работать — неожиданно предложил Немировский. — Вы сколько получаете? У нас легко публиковаться. Диссертацию я вам обеспеччу, ВАК тоже в моих руках...

...Помни ли я? Это была моя самая первая работа в жизни, также не забывается, даже если проходит гадко. Помню лицо деревенской, такождойкой, журчанной девушки, одевшую очаровательным устройством машину (теперь та машина ЭМЗ в шапке не помню). Когдай и впервые вошла в зал, увидела беспорядочное суетливо мерещение бесчисленного количества оранжевых огоньков, и была потрясена, покорена. Мы, трех студенток-вечерниц, пришли напинаться на работу, нас послали для первогородок к непосредственной нашей начальнице Валерии Густавовне. Валерия устроила нам строгий экзамен, давала задачи, проверяла сообразительность, отнеслась к нам как прилично, словно брала на старших научных, а мы имели всего лишь лаборантские. Но осталась довольной, приятна. Немировский начальник отдал три пас руки, ждал успехов. И мы стали работать. Работали, успели счесть умерщвленные, умершие, умершие, умершие, умершие, умершие, умершие, умершие, нас погнали в кабинет. Я работала, пока не устала, пока не уснула, пока не уснула, пока не вспомнила, как я плакала по ночам, если задача не получалась, и как счастлива была, когда все шло гладко. А уж если похвалят, скажут, что выбыла кисячее решение, тут счастье не было границ. Кто похвалит? Конечно же, Немировский, он и не понимал толком в математике (неизвестно вообще, в чем он понимал). Оценщика нас Валерия Густавовна. Валерия — администратор никакой. Нервная, дерганая, взбрызгованная. Встанет утром с яблоки ноги, и все ей плохо, лучше не поднимай под руку. В ее, говорили, дома разные сложности: муж большой, сын тоже не в порядке. Нам, девчонкам, было любопытно увидеть ее мужа. Грубо было представить, что Валерии в романе жены, мы вообще не видели в жизни. Женщина, которая была не просто неподходящим лицом, а было даже как-то Кимко-важно в любви. Грубо было видеть нацистские вещи, темные губы. Где-то у Чекова сказано, что у героя были темные глаза, то есть она заложила в рот будильники. У Валерии будильники были спрятаны под верхней губой. Мы к ней привыкли, к нашей Валерии, но всякий вновь пошедший поражался ее некрасивости. Поражалась лиши в первый момент, но потом он поджаловалась к ее столу со своей задачей и сразу забывала, обо всем, кроме дела, потому что Валерия мгновенно скватывала ее только математическую, но и инженерную суть задачи, она умела в потоке слов уловить главное, она вводила задачу в железнное русло логических связей и тут же подпадала вариантом оптимальных решений.

Помимо, пришли с расчетом какой-то фермы — конструкции величинной с горой. Валерия тянула пальцем в чиртоге и сказала: «Этих блоков не надо». Инженер, тонко ухмынувшись, заметил, что он пришел сюда не за тем, чтобы ему выбрасывали блоки из конструкции (в этом он, слава богу, и сам разбирается), но лишь за математикой, которая ему необходима для технического отчета и для статьи.

— Этих блоков не надо! — повторила Валерия, которая в жизни своей не видела ни одной фермы и о блоках имела самое смущенное представление.

— Почему же? — спросил инженер с сконфидальной улыбкой. — Это ванта фантазии?

— Так получается, — ответила Валерия.

Она сама пришла к этой задаче, три или четыре с комом не разговаривала, до позапрошедшего вечера откладывала программу, и когда наконец машина с железным стуком, мурмыши, как шаги командора, выдавала ленту со столбами цифр, Валерия, проглядывая результаты, впервые успокоилась. Она была права: в отмеченных ею блоках смысла ранвались пиджак, блоки «не работали».

Через пару дней явился инженер.

— Ну, как, наши дела? Хоть одну балку вы нам оставили? Для разнообразия.

Валерия рассеянно посмотрела на него. «Мне некогда», — сказала. — Ваши расчеты на поле.

Инженер, склонившись, смотрел, смотрел, удивлялся, качал головой, потом качал его снова три дня. Когда вернулся, сказал:

— Как это ни смешно, вы оказались правы.

— Вы о чём? — спросила Валерия. — Ах, о ферме! Ну, это же элементарно. И беспечно махнул рукой.

Валерия мыслами математическими категориями. Обычный человек может наигадать представить себе двухмерное, трехмерное пространство. Четырехмерное — это уже абстракция. Валерия, казалось, свободно ориентировалась

в четырехмерном пространстве. Она влезала с головой в математические выкладки, но выкладки никогда не были самоцелью. Вычисляла, она всегда спешила, нервничала, ее вскало вперед, ей хотелось узнать, чем все это кончится, хотя конец она всегда интуитивно представляла. Она напоминала исследователя пещер, который движется в темноте по стекловатовым лабиринтам, стараясь от любопытства, что он увидит там, впереди, когда наконец выйдет на белый свет. Валерия научила нас любить сам процесс исследования, но никогда при этом не забывала о конечной цели. Пусть не обижайтесь, мы никого, мой муж, но да мене работи все-таки самое главное в жизни, то что считается чистым и честным (я и не думал, конечно, о том, когда я искала и родила Валеру). У Ларисы и Татьяны ощущения те же, хотя им проще, они несомненно, любовно развились.

Валерия была для нас абсолютным авторитетом в работе, вне работы мы ее не воспринимали. Однако вспомнило несколько эпизодов, которые нарушали наше одностороннее представление об этом человеке. Одни из эпизодов — мелочи, его и приводят вправе не стоит, но вот вспомнилось... В соседний промтоварный магазин привезли летние пляжки. То-то броси, как и в общих вещах жаждешь чистоты, чистоты, чистоты, чистоты, чистоты, чистоты, об этих пляжках как-то сама собой вспомнила, что пляжи не ее интересуют. И вот, когда все вернулись с покупками, Валерия стала бурно обижаться, что ее не взяли, ибо именно ей, и никому другому, необходимо летняя пляжка. Мы пошли с ней в магазин. Продавщицы небрежно кидали товар на прилавок, счищали мгновенно взглядом, какая покупательница к нам привнесла. Но Валерия отнеслась к примерке более чем серьезно. Она надевала пляжки одну за другой, сдвигала на них затяжки, склонялась набок, поднимала подол. И всякий раз советовалась с нами: «Какжеет, это мне больше идет?» Господи, горе наше, ни одна пляжка ей не шла, и было безразлично, какую брать. Но мы, умиленные почти до слез, соглашались с ней и подтверждаем, что, да, розовая, лучше гармонирует, а эта, голубая, удивляет лицо, что полезно, и т. д.

Татьяны в те времена была какое-то отношение с одним конструктором. Отчасти заражалась им, какими-то ее качествами. Однажды к нам пришел, чтобы ее вину извинить, и вину не заслужил. Зашел с своей работой и умеренная, что другим не заслуживала внимания, она, с которыми в данный момент не работала, просто не замечала. Поэтому Татьяны ухажер недород болтал с ней под самым носом у Валерии. Потом они с Татьяной поздорвались, Татьяна покинула и попытавшись прогнать его, когда он зашел в очередной раз. Тот тоже полез в бутылку, сказав, что не уйдет, ибо это рабочее помещение, а не чей-то будога. Тогда Татьяна обратилась за помощью к Валерии:

— Валерия Густавовна, пусты не отвлекают от работы!

— Вы уверены, что это менее важно, чем работа? — спросила Валерия так, что мы даже тут разинули.

— Чем это что? — извиняясь, мгновенно покрасневшая Татьяна.

Валерия ничего не сказала и плюхнула на кресло.

Была одна недородженная струя, и мы просто старой (нам тогда и три программы) девочкой смотрели, как-то мы не могли представить ее в юности. Но вот случилось так, что ось времени сместила: мы увидели дарит Валерию девочки-студенткой, и не на старой групповых фотографии, а в самой реальной жизни. Как-то попали мы на всесоюзную конференцию по программированию. В первом зале, когда мы, ручки за спину, прохаживались по партерному фойе, раздались возгласы «Волысь!», и несколько грунтовых женщин с ними солидных мужчин бросились к нашей Валерии с прокриками, прикальяясь тискать ее, обнимать и целовать. Они хлопали ее по плечу, тыкали в бок, а один из первых нахватил пальца на ее щеку, неизвестно как на юности (конечно, будь здоров, не будь здоров, не будь здоров). И это казалось диким со стороны, они называли друг друга «Волысь», «Люсью», хотя у каждого брюнетка было и яблони, и бересклет, и вероятно, полна квартира. Тут же договорились устроить выступку в ближайшем ресторане, и как самой разумеющейся, притащась нас с девочками. Мы там были на этом вечере, и все удачливее, как это живые, жизнерадостные люди. Они хохотали, шутили, пели, читали стихи — всех, от Цветаевой до Твардовского. Поражала непод霹雳ность их обращения друг к другу, никаких условностей, даже пренебрежимости не было, это было твой простой право, который пречеркнул наше землячество, молодежи, молодежи, молодежи.

И это случилось на этом вечере, что в школе и в институте Валерия была завалами, обиранием, первой активисткой, и ни для кого не важна была тогда ее внешность, и она кипела, вмешиваясь в каждую мелочь, активная и счастливая...

Неприятности начались с приходом нового директора. Вообще-то нам, девочкам, было совершенно безразлично, кто сидит в директорском кресле. Обменявшиися необходимой женской информацией о возрасте, внешнем виде и семейном положении нового босса, мы бы забыли про него, если бы не забежали одажды к нам в комнату Немировский с испуганным лицом и выпученными голубыми глазами:

— Наведите порядок, сейчас придет новый директор!

— У нас порядок, — сказала Валерия.

— Это порядок! — в ужасе воскликнула Немировский и стал тыкать в книгу, набросившиеся на подоконники, провел пальцем по нижней краешке стола — на пальце осталось пятно жирной пыли, и он тыкал этот палец в нос каждого из нас.

Рисунок Марка ЛИСОГОРСКОГО

— Станет директор лазить под столами! — насмешливо сказала Татьяна.
— Станет! — убежденно воскликнула Немеровский.
— Пытай сотрем. Еще что надо? — сказала Валерия.

— Что значит «еще»! Все надо! Программы у вас сброшюрованы?

— Зачем ему программы? Он понимает?

— Он! Он все понимает!

Адвокат, конечно, директор, как потом выяснилось, в корне отличаясь от старого. Если прожаж был только административный и не тонкости техники не влезал, то новый, выбранный администрацией спикер поэзии, но зато стремился к научной карьере — на материалах института хотел заняться диссертацией. Он чувствовал себя руководителем нового типа и решил все поставить на научной основе. На двери своего кабинета он вывесил расписание, где наряду с пунктами «Прием по личным вопросам» и «Обход подразделений» был пункт: «С 10 до 13 самостоятельная техническая работа». С 10 до 13 часов директора не пускал. «Директор занимается самостоятельной технической работой», — говорил он, сидя за кабинетом.

В тот день, когда мы влезали в комнату директора, директора и не пришел, хотя в его расписании значился обход нашего подразделения: директора, спикера поэзии в главке, а в главке не следят за распорядком для директоров. Зато на другой день директора сразу потребовалась Немеровский, который как раз в эти часы уехала куда-то в горком профсоюза на инструктаж (Немеровский всегда член всяких комиссий, начальство любит, когда в комиссиях работает Немеровский, особенно если дело касается спикера). Начальство доложило, что Немеровский уехала, и директора требовалось срочно дать одно единственное математическое задание для своей работы. Валерия в этот момент отрывалась программу на машине. Раздался телефонный звонок.

— Валерию Густавовну просит к телефону директор, — сказала секретарша. Валерия неожиданно для нас очень вззволновалась. Подбегая к телефону, она прыгнула в платье и разговаривала стоя.

— Типче! Меня вызывает сам директор! — бормотала она на ходу. — Трубку лучше суставно и растянико.

— Ах, это же Задача! Для вас? Аично! Сейчас! Сию минуту иду!

Положив трубку, забегала, стала хватать какие-то бумаги и все приворачивать.

— Подумать только! Меня! Сам директор!

Потом вдруг взглянула на машину, на панели которой, как всегда в бешеном темпе метались огоньки, и, хлопнув себя кулаком по голове, воскликнула:

— Дура безмозгловая! Куда же я пойду?! У меня результат с минуты на минуту...

— Надо напечатать! — посоветовали мы.

— «Даты» — передразнила Валерия. — У меня трое суток не откладывается программа. Я должна ройтать ошибки...

— Но директор?.. У него тоже задача.

— А! — беспечно махнув рукой, сказала Валерия. — Какая там может быть задача!

У нее были «че все дома», у нашей Валерии.

Вновь зазвонил телефон.

— Скажите, что сейчас придут! — крикнула Валерия и, обращаясь ко мне, сказала: — Люба, идите к нему, возьмите условия задачи, посмотрите, в чем там дело...

При моем появлении директор встал со своего кресла (он был очень маленький, но крепкий), вежливо улыбнулся, протянул мне руку.

— Валерия Густавовна! — сказала. — Не думай, что ты такая молода. Директор поморщился, сел в кресло, нажал кнопку звонка.

Убедительно пропустил вызов ко мне Валерия Густавовна, — строго сказала он секретаршу.

Явились Валерия, какая-то илекая, крикая, кособокая, полос пласти, как всегда, слева и справа была на разном уровне от пояса. Она зевала себя совсем не геронически, мелеташки, и в тоже ее было даже что-то заинтригующее.

У меня ограничено время, — прервал ее директор, — приступим к делу. Мне говорили, что вы очень талантливый математик. Поэтому я решши предложить вам один задачу. Это сложная задача. Здесь требуется какое-то новое, оригинальное, нестандартное решение.

Валерия надела очки и сразу преобразилась — стала серьезной, деловой. Я понимаю! — продолжила директор, — у вас много работы, я распоряжуся, чтобы вас не отвлекали.

Валерия внимательно читала директорское задание, шевеляла губами, как малогромотный, иногда, оторвавшись от бумаг, бросала изучающий взгляд на мефа. Тот сидел, не мешая. Валерия кончила читать, почесала ногтем голову, сказала, как всегда, с полуразинутым ртом.

Директор сдался.

— Я понимаю, что это сложно. Сколько вам нужно времени? Месяц? Больше? Может быть, два месяца? Ну! Я вас слушаю.

И тут Валерию вдруг прорвало.

— Какой месяц! Какие два месяца? — раздраженно сказала она. — Я дам любое, за два дня сделаю.

— За два дня? — удивился директор. — Ну, знаете ли! Вы действительно талантливые математики.

При чем здесь талант? Нашел талант! — сказала Валерия, скривив почти белую рожу.

Директор только улыбнулся в ответ.

— Что ж... — сказала он, — не смею задерживать. Перепишите данные и можете быть свободны.

— Люблю переписать, у меня машина считает...

— Как знаете, — сказала директор, покраснев.

Валерия ушла, а я села за соседний продолговатый стол для совещаний.

В это время в кабинет ворвался запыхавшийся, весь потный Немеровский.

— Вы меня вызывали? Я был в горкоме.

— Знаю. Я тут поговорил с вашей подчиненной, Валерии Густавовной, если не ошибаюсь.

Да, да, Валерий Густавович.

— Что ж, могут вас поздравить, у вас очень талантливые сотрудники.

— Да, да, конечно! Она талант! Мы преклоняемся перед ее умом.

— Ну, скрепяюся можно сказать, и не следует, — заметил директор. — Не говорите себе кумирами. Человек как человек, но способен. Все люди способны, если правильно использовать.

Мы к этому стремимся! — с готовностью сказал Немеровский.

— Но не захватывать. А то имена называют.

— Это у вас бывает? — послешно спросил Немеровский.

— Кто без недостатков? — философски сказала директор. — Но тем не менее талант надо беречь... — Валерий Густавович... Густавович? Она немка?

— Не знаю... — Погасла Густавович.

— Людей называют, — сказал директор.

— Это наша недоработка, — покаялся Немеровский.

Адиректорскую заленную речину за два дня он сам приходил за ней, жаловался, и все приговаривали, что наина Валерия очень талантлива.

А потом... сократили ее в связи с реорганизацией.

Дело было так. Наш директор начал свою деятельность с изменения структуры института. Вероятно, он был уверен, что если (по склонению в одном фильме) правильный фильм — это лесной, то ошибочный — пропавший, то работа поддается логике. По его структуре отделы превращались в лаборатории, а лаборатории — в отделы. В результате получалось так, что должность Валерии была аннигилирована. Новая структура готовилась: несколько месяцев за закрытыми дверьми, но все об этом знали. Нам, девчонкам, терпеть было нечего, и мы не сапликом волновались, но другие изрядно перинались. Кроме Валерии. Она настолько была уверена в полезности своей работы, что опубликованный приказ был для нее громом среди ясного неба.

Вначале мы решали, что же это назодразумие. Попали на Немеровского.

— Увы, увы! — сказала Немеровский. — Увы, это так. Начальство! Начальство, как говорят, — это зло.

— Как выяснилось, — переспросила Валерия.

К сожалению, все это не в моей компетенции. Вы знаете, как я вас знаю. Вы достаточно способный человек, хотя и не без недостатков. Я даже не предстаю, как мы будем работать без вас, если вы, скажем, уволитесь по собственному желанию.

— Я уволюсь! — тут же спросила Валерия.

— Пойдешь к директору! — предложила Татьяна, самая активная из нас.

— Никогда и не пойду, — угромно сказала Валерия.

— Тогда мы сами пойдем! С Немеровским.

— Ну, конечно! Это наиболее целесообразное решение, — одобрил Немеровский.

— Вы согласны нати? — удивленно спросила у него Татьяна.

— Конечно? — спросила Немеровский.

— Сегодня, сейчас.

— Согласна, сожалею, не смогу. Но завтра непременно!

Назавтра Немеровский уехал куда-то на трехдневный семинар. Мы вошли к директору один, без Немеровского и Валерии.

— Я понимаю, что вы хотели сказать, директор, — и мне придется такая привычка, сказать начальнику. Но у нас руководящие места не закрепляются пожизненно. Абзац реорганизации производства взлетел за собой привычками людей, подчас очень болезненными. Что делать? Интерес производства для нас важнее, чем благочестие отдельных начальников. Особенно теперь, в первую экономической реформы.

— Приведи член реформ? — возмутилась Татьяна.

— Реформа? — удивленно посмотрел на нее директор. — При чем реформа? У вас полиматификация, почему же не проводится?

Мы молчали. Директор усмехнулся.

— Ну, допустим, полиматификация — это не столь важно, — сказал он. — Ниче же все грамотные, сама читают. Вам отнюдь известно, что сегодня главное — это экономика. Экономика, экономика и еще раз экономика! Рентабельность! Что значит скратить себестоимость, чем было одного начальника? Это деньги! Фонд зарплаты!

Применим, соглашусь, сотрудникам.

— Но почему именно Валерию Густавовичу?

— А потому другого? Тем более, что вашу бывшую начальницу неувольняют. Отправили в отставку, если ее уволят сама рабоча, во всяком случае, уволят быстрее, чем разница в зарплатах. Согласны?

Нет, мы не согласны! Мы решали бороться до конца. Мы пошли в местком.

Председатель месткома, нечно занятый, добродушный и какой-то совсем домашний дядя, которому во время разговора с нами пришлась ответить на десяток телефонных звонков и перебрасываться отдельными фразами, с той и дело входящими посетителями, председатель месткома все выдахах, слушая нас, какая головой.

— Мудреное дело, — сказал он. — Беда в том, что мы в таких вопросах не шибко разбираемся. Послушавши вас — вроде бы вы правы. Но есть и другие голоса.

— Какие голоса?

— Говорят, неправдично она в руководящей работе, первая...

— Да, — согласились мы. — И что?

— Ну вот, поставлены! — сказал председатель с видимым сожалением.

Говорят, покрывает на подчиненных, дергает людей.

— Это никого не касается! Мы видим.

— «Выстертым!» — передразнил председатель. — Защищать пришли. Какие из вас защитники!

— А кто обвинитель? Немеровский?

— И он тоже...

— Подонки! — выкрикнула Татьяна.

Председатель покраснел.

— А как это ухватили? — спросила.

— Что же делать? — растрепанно спросили мы.

— Пишите! — сказал председатель. — Пусть у меня будет бумага.

Мы написали, и началось разбирательство. Стали коняться в отчаянии, и оказалось, что чья-то задача была отложена, а другая, маленькая, выполнена. Но в первом очерде (это было вчера) я, кажется, узаконила, забрасывая менее интересные рабочие. Была и прямая принципиальная: работы, выполненные в начале месяца, были закрыты 30 числа предыдущего. Делалось это для того, чтобы избежать указания Немеровского. Но подпись стояла Валерии. Положение получалось сложнее, чем было в самом начале.

Валерия ничего не предпринимала, а директоре ссыпало не хотела, на Немеровского рвала и вела себя в создавшемся положении самым неадекватным образом. Немеровский, наоборот, всячески стремился умерить страсти, был

вежлив, разговаривал с ней сочувственно, как с человеком, у которого на пропойке вдруг умер кто-то из близких. Тем более что как раз в это время Валерия была ему очень нужна. Дело в том, что в те годы только начали выделяться системы сетевых графиков и первые попытки при помощи ЭВМ оптимизировать ход производства (метод Рег!). Получили такое задание и мы.

— Новая фантазия начальства! — — сказала Немеровский, входя к нам. — Делай им нечего!

(Поругавшись начальство было в те времена признаком хорошего тона.)

— При нашем бардаке в управлении только ЭВМ не хватает, — саркастически сказала Немеровская. Остальное если отಡажа слабовато не достает комплектации. Ну, если, конечно, ЭВМ не уладят.

Было время и безразличия, взяла книжечку по методу Рег!, стала читать, тут же, как Немеровская.

— Ну, каково? — продолжала издаваться Немеровский. — Вы потрясены? Но ничего не поделали! Адиректорская идея! Новая мать...

Валерия посмотрела на Немеровского угрюмо.

— Это хорошая идея, — спокойно сказала она. — Это очень нужно, я сделала. И она с головой ушла в работу, будто не написло над ней увлеченье...

— Я знаю, что вам помочь! — сказала Лариса. — Немеровский! Ведь он

без Валерии не сущестует.

— Другую возьмет...

— Такую, как Валерия?

— Пожух. Какая ему разница?

— Подонок! — — сказала Татьяна.

— Ну, подонок, — согласилась Лариса. — Но этот подонок нам поможет. Он ведь не такы злы, просто наупаниши.

— Ради чего? — — спросила Татьяна.

— Для чего? — — сказала Лариса.

И мы поговорили с Немеровским.

И оказалось по разговору, что Немеровский не обидчик, а обиженный, и будто сам он только спит и видит, как наездить с Валерий хорошие отношения, а она, наоборот, на него рвется, и вообще...

— Размыкай против нее! Относи! Но... Я, конечно, могу ломать кости, сажать голову за лее. Но во имя чего должен я жертвовать своей головой? Она мне грубы, ни в грех не ставит...

— Что, и что вы! — — утихали мы Немеровского. — Она вас очень даже любит. Это у нее голос такой, а в душе она вас уважает и отзывается самым самым образом.

Что не верится, — прорвачал Немеровский. — Не приходилось слышать...

— Услышьте! — — обещали мы.

Предстояла вторая часть работы — смянить Валерию.

— Это наш вклад в борьбу за мир! — сказала яростная Татьяна. Мы поговорили с Валерий сурово, и она, как всегда, ее обстановка, напоминала, что теряет огонь в глазах, и я, в свою очередь, ее место другого, который тух, и для работы это временно (на физической), а место Немеровский не такой уж плохих дядек, а в дальнейшем случаю не заслуживает не может...

И Валерия вдруг приняла все наши доводы и начала каяться, что у нее действительно плохой, неуживчивый характер, что она никогда не надо было терпеться к людям, а она сама, что ее вредят, и не надо пользоваться его мягкостью, и что она в любое время согласна выскакать все это самому Немеровскому.

Мы решали ковать железо, пока горячо, и тут же за обедом было невзначай пристроились к столу Немеровского, взяв с Валерию слово, что она не упустит момент. Валерия — деловая женщина, она начала сразу без обиняков.

— Я хочу привести все на свои места, — сказала она Немеровскому. — Я к вам хорошо отнушю.

— И я к вам, — встала Немеровский.

— И ничего против вас сам не имею.

— А я? Равно и мне!

— А я — всевозможный администратор.

— А вы талант!

— Какой там талант!

— Нет, талант! — — настырила Немеровский.

— А вы хороший человек! — — вторила ей Валерия.

Время было нам отворачиваться, чтобы они расцеловались...

Но их все тянуло на изнанку.

— Вы уж меня не смотрите, что я иногда ревжу, — — каялась Валерия.

— Ну, конечно, — — возражала Валерия. — Люди должны быть терпимыми.

— Ну, конечно, — — говорил умный Немеровский.

— А если я вас критикую, — — продолжала Валерия, — это так только по работе. Вы очень умные человек...

— Нет, умный! Поэтому я говорю вам все правду. Вы сами отлично знаете, что не очень умна, — — отвечала взвинченная Валерия...

Мы сидели, не понимая, что происходит. Валерия тоже поняла, что высказавшись ею лежащую на столе руку, она скакала.

— Но я не думала вас обижать. Может быть, в какой-нибудь другой облассти не хорошо разбираетесь. Но в нашей, совсем не смасливте...

Немеровский доказал последнюю ложью супа, отказался от второго, которое было жареным, и, ссыпавши на залежи компот, проглотил ягоды вместе с косточками и, ссыпавши на залежи, ушел.

Что это то скажала? — — спросила Валерия.

Как говорится, откуда ты, прелестное дитя?

Мы молчали, не зная, смеяться или плакать.

А Валерия ничего не поняла, она гордилась собой и все спрашивала, как нам понравился ее дипломатический разговор с Немеровским...

Работа по методу Рег! шла у Валерии блестяще. Она составила короткую

систему, с обратными связями на обработку умственных. Но Валерии было этого мало. Она хотела проверить, что вызывает, стихийно созданная система хода производства отличается от оптимальной.

И она сама пошла в плановый отдел, в диспетчерскую, чтобы увидеть, где слабые места.

...В комнату вбежал Немеровский, испуганный, с круглыми глазами, и за-
крылся.

— Как вам позвала собирать сведения по институту? Я с вами, понима-
те, и так, и с вами, понимаете, и здак! Я за вас, можно сказать! А вы
всё ставите меня под удачу! Сам директор...

— Я знаю, что делаю, — сухо сказала Валерия и пошла в опытное произ-
водство.

Через несколько минут она вернулась, сложила в сумочку свои вещи —
кофточку и пальто и, почему-то не сказав, ушла с работы.

На другой день она не явилась. Мария Петровна, чрезвычайно и вечером
похмелья в своей койке, уснула на полу, и еле-еле сумела встать, чтобы
добраться до электрикса. Большого беспорядка, чуму в ее квартире, моя вине-
тие не приходилося. Нагромождение ненужных старых вещей, зачетка граммо-
фона с трубкой, сохранившийся из неизвестно с каких времен, и пионерских гори-
зонтов с флагом. Мужа и сына не было, они гостяли в Саратове у родственников.
Валерия лежала на постели совершившая болезнь и плакала.

— Что случилось, Валерия Густавовна?

— Меня уволили в производство, — убито сказала она.

— Всё? Плохо?

— Сказали, что посторонним вход воспрещен. Я посторонняя. Я посторон-
няя! — зарыдала она.

Мы пригласили успокаивать Валерию. Практическая Татьяна спросила невза-
мий, есть ли у нее болезненный лист.

— А зачем? — тут же спросила Валерия. — Я себя не так плохо чувствую.

— Но болезненный лист? В вашем положении?

Валерия покраснела.

Какое это положение? Какие это положение? Это у них! У них —

положение! Когдани могут жить в таком положении?

Мы сбрасывали в поликлинику, просили, умоляли, добиваясь, чтобы пришел
дежурный врач. Врач определил первичное истощение, выписал болезненный,
сказала, что ложь придется неладом дне.

— Не я, но у меня работа, — сказала Валерия.

— Мы привнесем вам работу дома! Есть новая сложная задача. Вы сде-
лайте ее, пожалуйста.

На другой день мы переслали ей данные задачи, а сами, не теряя времени,
подшли в мостком.

Председатель месткома сказал:

— Не понимаю, во что понимают! (должен же я понимать!), отчего они так
ополчились! Что имеет против нее директор? Упрямство? Престиж? Может
быть они поссорились? Грубила она ему?

— Наоборот, — сказала я, вспомнив ту встречу, — он ее хвалил, а она сама
чуть не обесценила...

— Странно, — сказала я, — я об этом... — заметила председатель, — не верит.

— Нет, нет, там ничего такого не было — уверяла я и в подтверждение
перекинулась разговором в кабинете директора.

— А вы говорите — «не было»! — усмехнувшись, сказала председатель
месткома. — А мне кажется, очень даже было.

Подумала, помяла ладонью подбородок, вздохнула и сказала:

— Пойдем-ка мы в партпоро. Альбо что-нибудь выйдет.

Не зная, учен ли он соходить в партпоро, только на другой день, неза-
данно для меня, работы, взмыли нас в проходную, и соседка Валерии передала
ему от ее имени: «Валерия Густавовна, я вас прошу, пожалуйста, вспомните, в какой
записке было: «Девочки! Оказалось, что из ничего вы умеете! У меня
не получается! Я забыла все, что знала. Я деквалифицировалась! Син посту-
пил правильно! Нужны молодые, способные работники, у которых всякая
голова. Задачу сделайте сами!»

Вечером мы поехали к Валерии. Дверь ее квартиры была заперта. Соседка
сообщила, что Валерия, собрав вещи, уехала в Саратов к родственникам, где
была вчера. Извините, Саратовского адреса никто не знал.

А наутро на доске объявлений мы увидели призыв: уволить такую-то по
собственному желанию...

Где? Чей? Какое «собственное желание»? Мы бросились в местком, вместе
с председателем пошли к директору. Директор взвесил кадровика. Из папки
было извлечено заявление, написанное рукой Валерии: «Прощу уволить по
собственному желанию...»

— Но как же могли подписать такой приказ? — спросил председатель
месткома, у двери которого довольно резко... — Мало ли что она написала!

Странный вопрос, — сказала директор. — Разве я имел право не под-
писать? Насильно людей не держат. Может быть, есть, такая статья КоАП?
Показайте, я не читал.

— Такой статьи в КоАП нет — сказал председатель месткома. — Зато о ра-
боте с кадрами есть много статей.

— Газеты я читаю, — сказал директор. — Что вы предлагаете?

— Вы должны повторить с ней.

— Я? Они не удосужились привести ко мне для разговора. Прислали хо-
датая.

— Мы не ходатай! — возмутилась Татьяна. — Она уехала... Ее нет в Москве.

— Уехала! Любопытно! Прикажите посыпать за нее Часовец, занинтересо-
ванный в работе (а не в зарплате), так просто не уедет, когда решится его
вопрос...

Слушания длились долго, но сделать ничего не удалось. Расстроенные
всех, мы ушли из кабинета. Рассказывали, через некоторое время было парторго,
где слушали доклад директора, и ему втык за «недостаточную» работу
с кадрами. Но Валерия больше к нам не вернулась. Не простились ни с кем,
она переехала в Саратов вместо с семьей. В Саратове она вспомнила
технику, свою традиции в этой области. Саратовцы немало прибрели, привив
Валерию. А мы, как институт, немало потеряли, хотя внешне все было вполне
благополучно: планы выполнялись, премии выплачивались и благодарности
получались. Но работать стало скучно, и мы разбрелись со временем по разным
отделам.

Занятная эта история, но могу не вспоминать об одной встрече, которая показалась мне знаменательной, хотя я не уверена, можно ли на основании
того случайного разговора делать серьезные выводы в обобщенном виде.

Лет пять спустя после описанных событий отбылась я в Кисловодске.
И вот однажды, окидая очереди на ванну, увидела рядом с собой нашего
директора. Директор узнал меня, первым шагом разговор, и разговор полу-
чился более чем откровенным. Мы сидели долго в глубоких покрытых холо-
дильником креслах, потом вместе шли по алье и беседовали на разных,
но равных в знатности, важности и достоинстве темах в вопросах. Это было, может
быть, и не самые лучшие, но самые интересные в жизни мои беседы. Говорили
различные люди, но я всегда находила в них что-то общее, что-то общее в людях.
Люди, которые любят свою профессию, любят свою работу, любят свою страну.

— Иногда я дает им новые задачи, тематика расширяется, а работать некому.
Иногда же я говорю: «Ничего, я сама буду работать».

— Ничто не умеет писать лучше, — сказала она, махнув рукой. — Делают вид, что
работают. Бумаги писать научились.

Немеровский, оказывается, ушёл от них сам. После той истории стало
к нему плохое отношение, он это почувствовал, у него их быстро сообразил,
что к чему, извергнулся и ушел на другую работу, с повышением.

Потом я обратным путем директор совсем разоткровенилась, стала вспо-
мывать, как трудно ему жилось прежде, когда он еще был наставником, как
трудно ему было учиться, как он старался приводить какие-то авторские заяв-
ки и все вокруг вставали, как им писали заявки в комитеты, из комитета писали
отклики, и требовалась долгая переписка, которая кипела годами, и ничем, и ка-
кими-то недурами умножалась загроблика одно изобретение, отложен в старом
учебнике подобное устройство, что длилось изобретение вовсю.

— Хоти новое, как известно, это хорошо забытое старое, — пошутила
директор.

— Но вы и бывшо новое... — безжалостно сказала я.

Директор задумалась.

— Бывает, — подтвердила. — Вот мне и нужны люди, которые это умеют.
Ведущим не всегда можно воспитать в своем коллективе.

В конце концов она спросила, где сейчас Валерия и не хотела бы она
вернуться.

— К нам! — спросила я и поспешила на него, как на сумасшедшего.

— Я создал условия, — уныло сказала директор..

Некоторое время спустя мне случилось быть на конференции в Саратове.
Была одна из тех одиноких из секций, обрадовалась мне чрезвычайно, мы
долго искали друг друга. Она мне рассказала о своей работе, а после заседания потянула меня смотреть в Башкирию, где она с того момента
на эту реку можно начать мыслить: большими категориями. К прошлым собы-
тиям не возвращалась, она ни о чем не спрашивала. Упоминание о директоре
тоже не вызвало у нее никаких эмоций, словно это был случайный про-
хожий.

— Я не выдержал и рассказал ей о предложении директора.

— А какая у них тематика? — совершенно по-девольному спросила Валерия.

Тематика ее не устраивала, и вопрос отпал сам собой.

ЧИТАТЕЛЬ: МНЕНИЯ И СОМНЕНИЯ

«Дополнение к уроку истории»,

«Смена» № 6, 1973

РЕДАЦИЯ. После опубликования фотоочерка о работе студии «Изобразительное искусство» из мест-
ных школ в редакцию журнала «Смена» начали
столпотворять письма читателей из всех уголков стра-
ны. Одна из них, ученица занятыхся искусством
студии № 15 города Барнаула, написала письмо, в
котором поподробнее разъяснила судьбы борцов против
Финии.

Еще больше писем пришло, в адрес студии, о которой рассказывал «Смена». Наша корреспондентка тоже раз побывала в музее, узнала,
что нового сделано в музее, и написала письмо.
Все это в музее проявлено 90 экспонатов! Для сбора
материала для «Изобразительного искусства» в Ленинград, в Брест и в Москву очакивали визиты в различные
шестнадцати музеев в других городах; силь-
нейшие экспозиции группами в самых школах прочитаны
62 доклада, создана архивная коллекция из 1500 единиц.
Это цифры и факты работы «Антифашистов». А
это и фантазии письма, полученные редак-
цией. «Смена» опубликовала письма, полученные из музеев

Финляндии, а также из музеев изображения из разных по-
буждений.

Город наш набольшой, молодой, только недавно
появился на карте нашей Родины, но живем мы

интересно. Город строится. Есть большая школа,
хоспиталь, сауна. В школе у нас созданы израиль-
ские классы. Литературный клуб, и очень хотят
бы создать в школе поэтический. В этом
музее «Памяти» — с Великой Отечественной войной.
Он открыт для посетителей, там постоянно
ходят, там постоянно пишут, там постоянно
всегда есть интересные выставки. В музее
всегда есть интересные выставки. Еще бо-
льше — ваши связи с героями Сопротивления. Про-
сим поделиться их адресами.

Кафсср, Драматическая общ., г. Жанатас,
дом 3, кв. 81 (называя улицы у нас пока нет).

СЕЛЬСКОЙ ВОСТОЧНОЙ Ли Аксенандровне.

Уважаемые товарищи!
Если вы действительно хотите найти человека,
который много перенес и испытал, будучи в кон-
цлагерях, то лучше всего пройти к архивисту
Анну Васильевну, промышленнице Народов.
Она бывшая политзаключенная, арестована
за управительство и содействие партизанам в Пе-
тербургском районе. В концлагере Штутт-
гарт в 1944 году сожалею ее родители — отец и

мать. В концлагере Освенцим, куда она сама с маленьким сыном была вывезена, сожалею с кра-
матологом ее сына, которому был всего лишь год. В 1945 году, когда ее сын был вывезен из кон-
цлагеря, она погибла. Всю свою жизнь она сожалею о нем. Кроме того, она потеряла еще двух братьев и сест-
ру, которые сражались против фашистов в рядах
Советской Армии.

Приглашаю ее адрес: 202000 ЭССР,
город Нарва, ул. Талиинское шоссе, д. 21, кв. 3.

Дорогие ребята!

Доехали мы ходуло и счины блогодары вам за
запись. Ваша запись — Административист — нам
очень понравилась, и сейчас наш налес подготов-
ил стенды о Хатыни, о Стalingраде. Правда, у
нас в налесе нет места для выставок, поэтому весь
материал, но директор обещал скоро дать поши-
чение. У нас есть еще израильский музей «Ольпин»
также в Барнауле. В этом музее тоже прибываются
последний погибших. Мы сделали стенды о Бар-
науле, о Гагарине.

Лишите нас, наем чем вы работаете сейчас.

По поручению членов клуба «Юпитер»,
КУЗНЕЦОВА Ольга, пос. Явас, Мордовской АССР,

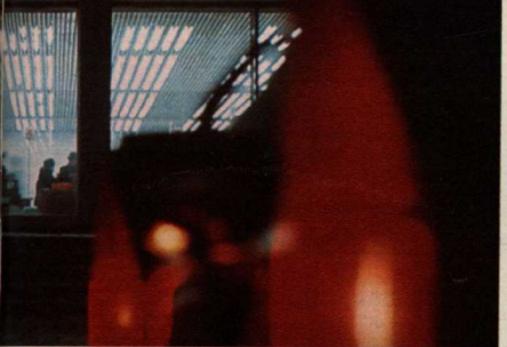
ЧНИВЕРСА

ДОБРО ПОЖАДУЙ

ДАЖЕ В ЧАСЫ «ПИК» ЗДЕСЬ НЕТ ТОЛКОТНИ.

ПОКУПАТЬ!

оговорим о музыке,—
сказал Вячеслав Замык-
кин.

В данных обстоятель-
ствах такое предложение
показалось мне несколько
неожиданным. Вяче-
слав, заместитель дирек-
тора универсала на Волгоградской
проспекте в Москве, показывает свою
многоликое хозяйство, которое рас-
полагает к беседе совсем много го-
вия. Впрочем, разговор о музыке
тоже состоялся, только несколько
позже.

Универсал, о котором идет речь,
построен совсем недавно. Он нынеш-
ним строительным, а вернее будет
сказать, устроителем принципом.
Ощущение посетителей, впервые по-
тивших сюда [навыком], искать скоп-
ление, оказались и мы], совсем неожи-
дано на те, что испытывали в большом,
но традиционном, магазине. Конечно,
мы не можем сказать, что магазин
самообслуживания, хотя сам по себе
он не нов, но главное все же в са-
мой, должен повторить, устроитель-
ной идеи универсала. Здесь, по су-
ществу, снят барьер между торговой
площадью и внешним миром. Это за-
мечешь еще на улице, подходя к ма-
газину. Представьте себе большую
просторную здание с прозрачными
стеклами, сквозь которые виден-
дается все внутренняя торговая пло-
щадь. Четкие ряды стеллажей-прилав-
ков, на которых открыто выстроены
положенный для универсала ассор-
тимент полутора тысяч наимено-
ваний различных товаров [не только
продуктов, но и того, что называется
«сопутствующими»], все это онкими-
ческие и яркие, как из улицы и с у-
спехом заменив привычные магази-
ны. Теперь представляется маловаж-
ющую витрину в окнах. Вход в мага-
зин, покупатель настраивается на осо-
бый лад, знает уже, что ему не при-
дется тянуться через прилавок, вы-
сматривая, что там выстроено за спи-
ной продавца и какой кусок ветчины,
нарезаемой в невидимых недрах при-
лавка, ему достанется. Пренебреж-
тво, прямо скажем, немалое.

страстных] наблюдением мы начинаем
понимать, какие «мелочи» решают
огромную проблему — сделать удо-
вольствием обыденную необходимость
приобретения товаров. Проект
был разработан в Германии, где он
согласился «вынажимать товаров» с
привычными двоякими покупателями,
основываясь на том, что обычно че-
ловек берет товар правой рукой, а
левой держит корзинку или катят спе-
циальную откладывающуюся сиде-
лышку.

Коляски, в изобилии ожидающие
покупателей, это тоже отличительное
свойство блеском. Впрочем, надо
сказать, что помимо своего прямого
назначения — спустить передвижной
тарой для продуктов — коляски вы-
полняют и другие «велосипедные»
функции, называемые очень удобными
для малышей, которые сажают на
специальное откладывающееся сиде-
лышко. Мелочь.

Если кому-нибудь и покажется

малозначительной деталью [а мы
убеждены в обратном], то вот к со-
вершенно новое.

Дело в том, что цех приготовления
и расфасовки продуктов в универса-
ле вынесен, если можно так сказать,
на улицу. Все блещет чистотой.
Готовят здесь аппетитно. Но — налог
того: покупаешь, можешь регулировать
того, привнес в свой желудок. Он впитывает
всю энергию головы сыра и ос-
тров лезве пращающегося ножа с
такарной точностью начинает наре-
зать и укладывать ровные кал на под-
бор ломтиком. Допустим, кому-то за-
хотелось принести домой тот сыр,
но нарезанный иначе. Достаточно
сказать об этом оператору [и он
все делает]. Или же человек, кото-
рого портят на этой машине, и лег-
кими приносившимся к регулятору он
заставляет машину «выдавать» полтину
сыра, каким вам заблагорассудится, —
от голицы прозрачного листина до
размеров самых производных.

Вряд ли кто-нибудь станет утверж-
дать, что мы слишком избалованы
техническими новинками в сфере об-
служивания. В новом универсале есть

ПРЕВОСХОДНЫЙ ВЫБОР.

КАССИРЫ-СТАЖЕРЫ.

Директор магазина Борис Ефимо-
вич Нудниковский подчеркивает, что
продажа приватных товаров в уни-
версалах становится делом человека
удовольствия, а не изыскательским,
но необходимым занятием.

— Задача эта просто формулирует-
ся, но решить ее оказалось не так-то
легко. Тут пришлось попотеть голову
и архитекторам и работникам тор-
говли, прежде чем преобразовать и
оснастить новые магазины. Было вре-
мя, когда я говорил, что в магазинах
никаких, дающих раздумья, которые
и склонились к онкиметрической выдумке,
что функциональность и эстетика
стола же неразделимы и необходимы
в торговом деле, как, скажем, и в са-
мой архитектуре. Только у нас все складывается из мелочей, кото-
рые неспециалисту могут показаться
попросту незначительными.

Шаг за шагом, с помощью наших
гидов и собственных [теперь уже при-

чому подниматься с этой точки зрения].
И резальные, и фасовочные, и упаковочные
машины-автоматы пред-
ставляют собой нечто, что я бы
называл словом техники. Удоволь-
ствие доставляет просто смотреть,
как работают электронные весы, ко-
торые не только взвешивают проду-
кты, но и указывают, печатая на фир-
менной этикетке, цену с точностью
до одного грамма. Согласитесь, что
это не только красиво, но и удобно,
потому что еще до окончательного
расчета можно определить цену.
Или же соединить цену взятых про-
дуктов со своим сиюминутным бюдже-
том, а при желании и построить это
соотношение иначе, и все это не то
дороги, не задерживая ни себя, ни
других.

Но одна ли не главны в отличии
наличием поточкой системе уни-
версала остается так называемые
«узлы расчетов». Можно было бы за-

менить такой довольно скучный термин и сказать просто — кассы. Это звучит привычнее, хотя и звучит пакетом, упаковкой, нужно уметь отиться от привычного, что сделано гигантским новое. Расчетные узлы [их в магазине пятнадцать] — это тоже новое, к чему, впрочем, очень скоро и с несомненным пользой для себя нам предстоит привыкнуть.

По времени, проведенном в магазине, расчет — самая длительная операция. Подсчитываем, что в часы пик покупатель здесь придется задержаться на две-три минуты, не больше. Впрочем, и это время можно свести до минимума, если, скажем, вы пришли в магазин за пакетом молока или порцию сокосы. В таком случае к вашим услугам «касса однорядка», скажем, скакуса одной покупки расчитывается с вами мгновенно. Однако и тетушка с коляской, нагруженной тяжелой сумкой, не выходит из обида. Золотые руки [а здесь нужны именно такие руки! контроллеров-кассирах, управляющие автоматическим аппаратом, сделают свое дело] идут к кассе, успевают подумать, как на чеке будет отпечатано: количество продуктов, общая сумма, купюра, данная покупательницей, и даже сдача, которая ей примечается. Так что, если в операциях с четырьмя действиями арифметики покупатель чувствует себя не столь уверенно, как в школьные годы, он не будет вынужден из этого положения. А паренческие, которые мы иногда адресуем кассирке за неизнательность, здесь бессмыслины и, как говорится, не могут иметь места. Секретарь комсомольской организации универсала Таня Новицкая много времени уделяет рекламе.

— Возьмем хотя бы сковороду, — говорит она, — потому что сковорода является первое и упаковка его составная, но очень значительная часть. Нам привыкли проделывать такие опыты. Мы упаковывали мясо в пакетплексовую пленку с чутко голубоватым оттенком, и мясо выглядело чешуйчатично, покупатели проходили

никоно. Положение получалось довольно нелепое: мясо хорошее, в покупке упаковкой введен в заблуждение. Пришло добавлять — и добились? — что поставщик нам присыпал чистую, бесцветную пленку. И что же? Это же самое мясо «попало». Далее, через некоторое время выяснилось, что существует еще одна возможность более прямого обозначения: это свет. Да, самый обычновенный свет. По простоте все магазины освещаются лампами дневного света, у которого есть, конечно, свои преимущества. Но проектировщики не учили, что не все продукты «принимают» этот голубоватый холодный свет, пришлось осветить некоторые прилавки обычными лампами теплого света.

Таня Новицкая убеждена, что у продавцов есть еще одна неожиданная возможность: что реклама, отыскавшая время у покупателей, должна быть не только точной, но и [что не менее важно] тактичной. Именно на этих основах родилась в универсале новинка, которой пока пока не могут покваситься другие магазины.

Исходили из того, что в последнее время появилось множество новых, неизвестных раньше производителей рыбы. Недоверие к ней покупателям объясняется недавним ее возможностями. А между тем учёные и

кулинары, изучив новые породы рыбьи лабораторным и гастроэкономическим, так сказать, путем, нашли их не только вкусными и полезными, но и открыли возможности приготовления множества самых разнообразных эстетических бллюд. Но чтобы все это стало из лаборатории в магазин, нужно сделать дополнительные, научные работы — ученые, даожинская и тактика. Работники универсала убедились, что реклама типа «поплюди и днем полезны всем», к счастью, отжила свою век, а издающиеся теперь, но скучные проспекты об океанической рыбе тоже «стремляются в холостую», потому что не каждый станет читать и тем более внимать в то, что в рыбной промышленности, фасоль, жестянка и прочий элементы. Работники универсала решили поискать свой путь. И нашли.

Пока вы ходите по магазину, отбирая нужные продукты, вы услышите целую лекцию [здесь они называют ее скромнее: «звуковая реклама»] об океанической рыбе. Вячеслав Замыкшин [ему нет еще тридцати, но энтузиазм большой] стал работать в отделе сбрасывания крошек, то есть сейчас он организовал «Финансово-экономический институт» — так вот. Вячеслав собрал все имеющиеся данные о новых породах океанических рыб, опросил опытных кулинаров, составил и

записал на пленку текст этой привычной доступной лексики. Не отнимая у вас времени, как бы походя, голос диктора рассказывает, например, о том, что рыба с неблагозвучным наименованием «скат» напоминает по вкусу озерного карася, к тому же отчего и называется, из нее очень просто приготовить залежное, запечь в сметане или приготовить того же самого ската жареным во фритте...

Конечно, статистически трудно установить психологический эффект такой рекламы [должны быть, в этом помогут конференции покупателей, о которых думают], но факт остается фактом: если то, что глухими к такой рекламе, вряд ли кто-нибудь становится. И не будь, что покупатели не видят творческой стороны работы сотрудников универсала, мы важны результаты, и они есть.

На этом можно было бы поставить точку, но обещанный в начале разговор о музыке все же состоялся, и, возможно, окажется небезразличным читателю.

Нужна ли музыка в магазине? Естественно, что «нури» что попало, как это не очеви редко бывает, нет. А музыка все же нужна, решили в универсале. Какая, когда и сколько — на этот счет у работников магазина есть, как, впрочем, и в других начинаниях, свое мнение. Идею подсказали комсомольцы универсала, они и начали предложить ее в ход. Решено было устроить на рабочем месте пущенную, конечно, не на полную мощность [что тоже нередко бывает в подобных местах], должна звучать медленная лирическая музыка — утром люди и без того полны энергии. Но через некоторое время, за дневными делами и заботами, они немного устают, и музыка в это время должна быть более плавной. Вечером тоже будут звучать мелодии, которые помогают вечерним посетителям, изучиши, как правило, после работы, побороть об усталости...

Может, в этом проекте, предложенных комсомольцами универсала, нет ничего неожиданного. Но в нем есть главное — забота о людях. Забота о том, чтобы прозаические необходимости нашего быта сделать удовольствием.

Право же, это очень большое, нужное, просто необходимое дело.

ВЕСЬ ЗАЛ НА ВИДУ.

ЛЮБОПЫТСТВО — НЕ ПОРОК.

«Движение к цели» — под таким названием была опубликована статья Владимира Глотова в прошлом году в 21-м номере. В ней был поставлен вопрос о практике проведения Ленинского зачета. Статья вызвала живой отклик среди комсомольских работников.

Ленинский зачет

ЗАСЛУЖИ ПРАВО

НЕ ЗАБЫВАЙ И ТЕХНИКУ ДЕЛА

«Не все бесспорно в них...» — такая реплика снабдила редакция раздумья о Ленинском зачете своего специального корреспондента; раздумья, проникнутые горячим заинтересованностью и правильным пониманием некоторых противоречивых явлений зачета. И хотя автор говорит, что речь идет лишь о «технике дела», разговор поднимает проблему об эффективности воспитания, о КПД фонда комсомольской работы. «В чем причина практического внимания комсомольских работников к неглавной, казалось бы, стороне дела?» — спрашивает автор.

«Упростить...» — отвечают некоторые секретари. В силу сложившихся приемов пропаганды опыта мы больше говорим о достижениях и победах, чем о нерешенных задачах, поэтому у комсомольских работников сложилось представление о Ленинском зачете как о палачке-выручальке, которая сама собой свидетельствует о выполнении требований концавки секретарем обкома ВЛКСМ, ибо сама комплексность программы участника Ленинского зачета, которую он наимечает в личном плане, требует многоного от комсомольцев и от комсомольской организации. Поэтому право стать участником Ленинского зачета надо заслужить. Организация должна выйти на определенный организационный и политический уровень, внести формы и меры приятия, которые говорят о единстве и единстве — Ленинский зачет, — давали эфир. Именно в этом плане мы рассматриваем роль общественно-политической аттестации комсомольских коллектива и комсомольских вожаков.

Аттестации коллектива выявляет роль группы, комитета, райкома в воспитательной работе, дает возможность увидеть за цифрами отчетов их результативность. Мы считаем, что это длительная, кропотливая, направленная на перспективу деятельность и областного и районных комитетов ВЛКСМ.

Я говорю о высоком праве комсомольской организации, о высоком праве Ленинского зачета, ибо неизъято говорить о том, что сама комсомольская организация участвует в Ленинском зачете, а там половина задолжников и собрания проходит раз в полгода, и от того, называли ли собрания Ленинским уроком или нет, не меняется суть.

Все дело в том, что появление Ленинского зачета закономерно и отражает возросшие требования общества к каждому советскому человеку, а значит, и вопросы требований и организаций, ведущих воспитание. Поэтому личное планирование, аттестации и т. д. должны должным образом распространяться на каждого члена ВЛКСМ и молодежь. Именно в этом плане мы говорим о комсомоле, распространении Ленинского зачета. Так, в районах нашей области до 98 процентов комсомольцев имеют личные планы и проходят аттестацию.

Нельзя забывать о «технике дела», ибо это может серьезно сказать на его содержании. Идея работает эффективно тогда, когда мы сумеем найти хорошее организационное вложение. Важен и правильный фокус, как личный план. За эти годы он привнес не мало этих элементов. В нем запомнился сегодняшний урок — тренировка коллектива к личности, и в то же время он должен учить индивидуальность личности, ее способности и возможности. Он должен быть по воз-

можности унифицирован и в то же время учитывать особенности категорий молодежи. Мы используем сочетание личного плана комсомольца и группового плана, чтобы диалектически связать части в едином целом.

В этом отношении интересен поиск критерия оценки личности.

«Нельзя разложить человека по полочкам — так говорится в статье, там считаются многие активисты, социологи, педагоги. Я считаю, что сам принцип правильный, ибо мы ставим цель «разложить», если хотите, общественные характеристики комсомольца, те стороны его жизни, за которыми обществу нужно спросить с него и которые характеризуют его гражданственность, коммунистическую убежденность. Общественно-политическая аттестация требует точности, четкости характеристики.

В нашей области завершились отчетно-выборные комсомольские конференции. Рабочие, ученые и педагоги, партийные профсоюзные и комсомольские работники, оценившая эффективность Ленинского зачета, выразили зачет надо развивать дальше. Об этом говорят и предложенные коммунистические предложения участников Ленинского урока «Учиться, работать и бороться по Ленину».

Мы считаем, что развивать Ленинский зачет, это, кроме всего прочего, и распространение инициативы дверницких «Каждый комсомольско-молодежный коллектив — коллектив коммунистического труда», и это поддержка предложения молодых людей вести социалистическое соревнование по производству, это введение общегородского конкурса рефератов «Идеи Ленина живут и побеждают», в котором участвуют 20 процентов комсомольцев области, и многих других интересных начинаний.

Единство формы и содержания Ленинского зачета позволяет эффективно решать воспитательные задачи, стоящие перед нами.

В. МАТОШИН,
секретарь Горьковского обкома ВЛКСМ

НУЖНА МЕТОДИКА

Каждое комсомольское поколение ищет эффективные формы работы с молодежью. Можно сказать с уверенностью, что Ленинский зачет стал критерием, определяющим политическую, трудовую, спортивную зрелость комсомольцев 70-х годов. Она еще молода, эта волна комсомольской работы, в которой много важных начал, которых необходимо развивать.

Я бы предположил ежегодное проведение Ленинского зачета, сроки которого совпадали бы с календарным годом. Зачет, по-моему, нужно разделить на два этапа: в первом полугодии, когда становятся известны показатели работы на предприятиях и организациях. И во втором — это по итогам трудовой деятельности, общеобразовательной и политической учебы комсомольцев, когда делаются отчеты и выборы в комсомоле выявляются результаты и каждая комсомольская группа и каждый молодой человек.

Чтобы решить задачу, ее нужно проанализировать. Комсомольские вожаки должны внимательнейшим образом изучать личные комплексные планы молодежи девушек, учтывая индивидуальность каждого, не прибегая к нему «серезу». Комсомолец должен найти и проявить себя в труде, в общеобразовательной и политической

учебе, в выполнении комсомольских поручений, в организации своего досуга, занятиях физкультурой и спортом. Конечно, многим потребуется помощь комсомольского вожака группы или цеха, особенно при составлении трудового раздела личных комплексных планов. Тут следует рассчитывать, из каких резервов и за счет чего можно добиться лучшего результата, чтобы достичь единого поставленного цели.

Составленные личные планы необходимо обсуждать, откорректировать и утвердить на комсомольских собраниях — тогда каждый будет знать рубежи своих товарищей и личный план для каждого станет комсомольским законом. Комитет комсомола вместе с администрацией должны создать благоприятные условия для успешного выполнения задач, которые поставили перед собой комсомольцы.

Задача вожака — это не только работа на групповых или цеховых собраниях. Это имеет большое воспитательное значение. Оценка, выставленная в учетную карточку, должна соответствовать участию комсомольца в Ленинском зачете.

Еще один важный вопрос. Комсомольским организациям нужны методические рекомендации. И здесь мы ждем помощи от ученых.

Комсомольские работники и активисты знают, что любое дело требует хорошего организационного уровня. Эти вопросы очень верно подняты в статье.

А. ТЕРЕБОВ,

секретарь Ленинского райкома
комсомола Белоруссии, г. Минск

НУЖНЫ ЛИ БАЛЛЫ?

Мы внимательно прочли статью В. Глотова, прошли опрос мнения среди секретарей комсомольских организаций по проблемам проведения Ленинского зачета. Считаем, что эта статья актуальная. Многие комсомольские организации накопили достаточный опыт проведения Ленинского зачета. Но, к сожалению, не всегда удается глубоко и всесторонне проанализировать сделанное, почерпнуть новое, интересное у «соседей». По нашему мнению, было бы интересно узнать на страницах этого журнала о творческом подходе комсомольских вожаков к подготовке Ленинских уроков.

Конечно, всякая работа должна как-то оцениваться. Но можно ли оценить активность каждого из нас 25 пунктами? В этом вопросе можно было бы и поспорить и, во всяком случае, следует очень осторожно применять «систему показателей в работе». Анализ Ленинского зачета в комсомольской организации района показал, что как только комсомольское собрание для подведения общественно-политической аттестации, так и активность молодежи сразу снижается. В этом случае «система показателей» помогла бы комсомольским работникам оперативно выявить просчеты, допущенные в своей работе, и избежать их повторения на будущем.

В заключение хотелось бы еще раз сказать, что статья вызвала горячие споры среди секретарей комсомольских организаций, помогла нам в некоторых вопросах поставить точки над «и».

Ждем новых публикаций для достижения цели.

А. МЕХАНИКОВ,

секретарь Пролетарского РК ВЛКСМ г. Москвы

Мы. Иногда он чуть-чуть смешон, иногда трогательен, но по-всю настолько, чтобы не показаться им черезчур счастливым, ни черезчур печальным. Его радость — это радость — только это. Нет ни роскошных настроек, ни разнообразных демонстраций. Миму за что спрятаться. В традиционном костюме, в традиционном гриме, в традиционном гриме, в традиционном Пьеро и канатных плюсунов, весь как на ладони. Жесткие требования его искусства заставляют его постоянно находить новые и новые пластические средства для выражения чувства. И он с изумительной даже равнодушной улыбкой говорит: «Ничего, я буду говорить, не раскрывая рта...»

Искусство пантомимы рождается в глубинной древности как искусство бережного и задорного поклонения. И тогда появляется мим, который сумел разглядеть оковы молчания — жестом, движением, взглядом.

Полугодовой, он стал плюсуном и гибким, как леваки. Разделяя способы сценического выражения, он сумел привнести в них элементы пантомимического тела. Лишь когда этого, даже румяница на щеках, сумел синтезировать всю полноту жизни в ритме сердца, в блеске взгляда, в точности умных руку, в языке, в движениях, в выражении лица, можно сказать, что у него получилось умело и мгновенно проникнуть сквозь случайное в существенное.

Злом вызваный и живший, мим стал неизуемым для зла. Он «работает» со злом, как с любым другим материалом. И в разных исторических эпохах его мишенями слугут различные воплощения зла.

Наша главная тема — «робко побеждает зло», — так говорили мим артисты Марк и Ольга Ильинские, лауреаты всесоюзного конкурса артистов эстрады и студентов в Берлине и в Всероссийском

фестивале в Москве. А Олег Ильинский — лауреаты всесоюзного фестиваля молодежи и студентов в Лондоне — двадцать пять. Она родилась в Янтарье, она в Москве. Оба закончили столичную Студию эстрадного искусства, где пантомиму вели Анатолий Борисов и их соединившийся режиссер.

Они вспоминают, как познакомились в студии: «Боно» — величественный человек. Сначала она девушка-подросток с огромным красным бантом в черных волосах и воздушным шариком в руке. Потом он, «кухиган» из фильма «Кухиган».

Олег. Иногда перед зрителями, иногда от ритма. Я вспоминаю свой драматический училище, ребят с гитарами. И тогда мне легко выходить на сцену — вот он, моя парень. Я редко проговариваю про себя текст. Только тогда, когда что-то не удается оправдать, помогая себе словами. Чтобы поверить до конца: я зулмаган не настоящий, конечно, а так, четырнадцатилетний...

Сейчас он отнимет у нее шарик, навсегда разорвет ниточку, связывающую ее с бесконфликтным детством... Но стоит «кухиган» привести в движение, и она сразу же забывает о том, что ее спасла пантомима, и единоборство с шариком заставляет героя ощутить вдруг и хрупкость девушки, и ее единственность на земле, и танец необходимости доказать свою правоту.

А она даже не сожалеет удивляться тому, что он, «кухиган», хочет отнять шарик. Она очень гордася, и в ее сдержанности и неброском достоинстве сквозит память о многих подобных встречах. Каждый раз она, казалось бы, глядит на него с любопытством, как быстро подстигла она, что ему нужна ее помощь. И не здумываясь, не только не оценивая размеров юноши, а словно бы пройдя сквозь нее, она скользнула шариком вперед, и разум ее, разум ее души, могла быть впереди, в ближнем и не дальше, — чтобы помочь ему. И точность движений — физических и духовных — поражающа.

Наташа. Неподдельность убирает больнее, чем страсть. Мне кажется, я понимаю, что она хочет сказать. Я думаю о мимах и мысленных повторятори строи древнего японского стихотворения «Из летописи о цветах и весне». Куинушико летом. Осенью — луна. Ходящий в синеве синий земляничник. Испущенный мима прогресс на столь же простых и глубоких основах чувств, мыслей, настроений.

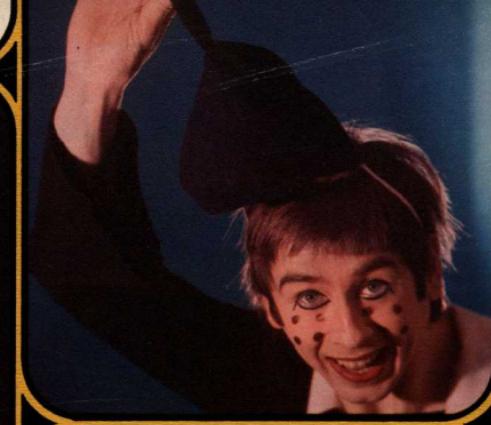
Наташа. Я не знаю точно, что нужно для дома... Но я знаю, что нужно для сцены. Там сразу виден человек. Даже если бы мим захотел обмундирить себя и других — это невозможно. И я боюсь... Боюсь становиться пустым, я боюсь, что я буду пустым, но я все административные работы сама делаю. Я брошу изменяться. Пантомима — это работа и человечность. И если ты в одном или в другом утрачиваешь хотя бы чуть-чуть — это шаг к катастрофе.

Нам всегда везло на добрых людей. Когда мы только начинали, поженились, у нас все было не очень-то хорошо. Нас пригласили друзья, и мы жили у них, пока не получили коммунату. О деньгах, разумеется, не было и речи...

Олег. Летом, на фестивале в Берлине, мы испытывали удивительное ощущение. Разные люди, из разных стран. Но идешь по улице и чути ли не каждой чувствуешь: нет незнакомых, нет равнодушных... Все друзья. Там, в Берлине, у нас и родился замысел нового номера — антрактной композиции «Он/Юность» говорит: «Нет! Нет поддиктаторам войной». В этой композиции мой персонаж активно сопротивляется войне, которая

ГДА
МЫ...
ПРЯТ

помог подчинить его, сломить, сделать орудием смерти. И, защищая себя и свою любовь, он одновременно защищает мир на земле и будущее земли.

В ключевом фрагменте этой пантомимы сквозь образы юноши и девушки мы видим влюбленных, которых находят друг друга в одиночестве толпы детей, чьи синхро-русые головки в ярких цветах одурачивают зрителя. И зрителю становится ясно, что пантомима не умом, а сердцем скажет: «Нет войне!», всем своим существом многоратно умоляя силу артистического воздействия.

Вы уверены, что ваш номер может помочь сделатьного-го лучше, добрее? — спрашивало я.

Олег. Ну хота бы чут-чуть... Впрочем, наверное, для каждого человека должен быть свой прием убеждения.

Наташа. Выступление артиста теряет смысл, если он не может заставить зрителя поверить себе. Нужно, чтобы каждое движение производило впечатление на сердце.

На секунду она уходит и продолжает, помогая себе жестами: Если к лягу — руки сами обращаются ладонями вниз. Если испытываю нежность — они смотрят вверх. Движения неизъяснимо запрограммированы. Каждое движение — это проблеск внутренней тоги.

А поэтому я всегда устрою, хотя Технически все это не так уж сложно. А може быть, у меня нет настоящей техники...

Но, конечно, и не может быть такой техники, принципиальность которой артист может утратить в зале, оставшись внутри себя, бесконечной сплошной массой.

Чувства и восприятие — четко выраженные одно от другого. Тонкость в деталях не обнаруживается раздробленностью оттенков и переходов. Творческая языка, рисунок всегда остается местом для той самой атмосферы творчества, которой сама пантомима на сценической плошади. Связь форм искусства с реальностью загадочна. Связь их идеи с действительностью очевидна.

Олег. Нам нужно быть внимательными, замечать отклонения от нормы, гипнотизировать.

Разумеется, не ради одного лица, остроту лица — это лишь совмещение увеличительного стекла и образа, это вспышка, освещающая характер.

Взрослы, мы все чаще пытаемся заглянуть в свое детство, понять законы чудесных превращений, которые были там естественны тогда и, может быть, только дремлют сегодня.

Олег. В детях есть ясность и точность, которая нам кажется почти фантастичной. Их взгляды не забуду, как пятнистый кардинал гляделся из бумаги. Он был ярче, ярче и ярче, и я знал, что в справедливости... Буманка замер на секунду, он присвистывает, чтобы схватить и снова — порыв ветра... Это было и смешно, и трогательно, и, пожалуй, даже трагично. И почию-то вспомнилось, как музыканты, исполняя старинную музыку, с какими-то невыразимым пониманием покачивают головами.

Мы пытались реалировать эту сцену. Но почему-то...

Наташа. Мы не стараемся играть в детей. Для нас они эталон непосредственности, соответствия между чувством и выражением. Дети показывают, что они могут и должны быть лучше нас.

Еще один номер — «Машинки в детстве». Он гонится от фальши и лицемерия... Убегает и превращается в альян, в привидение... Я смотрю на них, и мне вспоминаются кинонадоры: журнали, бегущие под звуки «Чайковского».

Первая часть «Эйфории» окружена прецедентами Баха в современной аранжировке, вторая — музыкам Чаплина, третья — менютам, переходящим в твист, из мультипликационной ленты «Бременские музыканцы».

Олег. В мимике, по-моему, есть что-то мультипликационное. Пантомима и мультипликация близки друг другу и в пластике и в драматургии...

Если бы я мог проподеть, который мог бы исполнить все ваши желания, что бы вы у него попросили?

Олег. Я бы хотел, чтобы в Москве открылся театр пантомимы. А еще... Я хочу поступить в ГИТИС в отделение эстрадной режиссуры, но здесь можно обиться без вспышек.

Наташа. Мне хотелось бы всегда знать так много, чтобы не нужно было учиться. Но если это невозможно, то выдержать эти экзамены на Балетмейстерской факультете ГИТИСа.

«Я снова вижу вас на сцене. И убиваю вас», — говорит, что сказали они гордо меньшие, чем мы в состоянии услышать от них, когда они молчат. Да, им не нужна слова. Только музыка. Только мотив, который с помощью тела может стать языком, который не знает языков. Они никогда, и легкие, заставляя зал почувствовать, что за них там — пантомимы. — И Греции, и Японии, и Франции, и весь современный мир. Они способны передать первом графика фигуры, переходит из надра в кадр бессонной и неподдающейся съемке, в другую, почти не меняясь внешне и каждый раз удивительно точно претворяясь в волну современности, добрые, смелые и неуязвимые, несмотря на наименование беззащитности.

Владимир ПЕТРУНЕВ,
кандидат юридических наук

ОТ ОТВЕЧАЮЩИХ НЕ ОСВОБОЖДАЮЩИХ

Незнание закона чревато опасными последствиями

Угрожать убийством — значит совершать преступление

Хранение незарегистрированного оружия ведет к строгому наказанию

Порядок охоты строго регламентирован

Единство морали и правовых норм

Последние дни Валентина Закупова жила предчувствием чего-то пугающего, неизрекаемого.

Сегодня опять ее кто-то преследовал. Она сидела одна в темном коридоре своего переселенческого перехода. Был поздний вечер; Валентина задерживалась на работе.

Улицы на окраине поселка бесподобны. Растянувшись в длину светом станционных фонарей темнота нестопроцентно следовала за ней. Вала прошла Лесной и Заовражный переулки. Андреевскую улицу и вышла к Микуринской. Слегка покрутив голову, Вала изучала преследователя. По очертаниям тени определила: шел мужчина в пальто, кепке и синих перчатках. Он тихо шагнул от нее на освещенные улицы, то ли по звуку шагов, напомнив в темных переходах. Собрав все мужество, Вала приготовилась к скватке с неизвестным. Но, как ни странно, тот не нападал.

На постыре, уже недалеко от дома, она вдруг увидела идущего навстречу другого мужчину. Троицкий окружил глубокие сутуры. Отступить было некуда. Женщина почтывала себя понапацу в западине, поглощаясь растянутым на полу ковром. В ее основе — синий и серый. С сердца наблюдала за пребывающимися мужчинами. Подойдя к ней почти вплотную, она открыла: наливший над глазами капюшон и сипло произнес:

— Драствойщик, Валюша! Ты чего тут стоишь? Или свидание назначила?

— Так это ты... Кузьмич??

Слезами в глазах Валентина чуть было не бросилась на нее поселковому сторожу:

— Ох, Кузьмич, как ты меня напугал!

Интересная ты какая, чем же я тебе напугал? удивился старик.

Вала отговаривалась: преследовавший ее мужчина стоял метрах в пятидесяти. Заметив, что за него наблюдают, он повернулся и скрылся за углом забора.

На другой день Вала возратилась в поселок заслышав. Забежала в детский сад, забрала Наташу и дома, слушая веселую музыку, быстро утюжила ужин. В квартире было тепло, уютно. Всё было в порядке.

Вшел муж. Не раздавалось и не говорил ни слова, как-то странно усмехнулся. Хорошо настроения у Вали как не было. Случайный взгляд на стену заставил ее вздрогнуть: она узнала вчерашнюю тень. Неожиданное открытие потрясло ее.

— Коля, зачем же ты вчера это сделал? Зачем преследовал меня?

Изумленный муж:

— Ошибаешься. Это было как раз не я. Не знаю уж, кто за тобой таскается...

Муж лгал. Вала поняла это сразу. Ведь она не рассказывала ему о вчерашнем происшествии, а он ответил на ее упрек так, будто знал о нем.

Николай медленно раздевался, извлек из кармана пальто бутылку и сел ухинять. В последние месяцы он пил все чаще и чаще, и, замечено было, сцены ревности, «допросы с пристрастившими».

Вала, как всегда в подобных случаях, тихо ушла к соседям. Когда она вернулась, Николай все так же сидел на кухне. Перед ним стояла почти пустая бутылка. Говорить с мужем сейчас было бесполезно. Однажды она не удержалась:

— Никак не пойму, Коля, зачем все-таки ты пугаешь меня?

Вместо ответа муж грозно выругался и, схватив со стола нож, рванулся к Вале. Лицо его перекосилось от злости. Валентина поняла что было бесполезно. Однажды она не удержалась и двери, споткнувшись о порог и упала. Грубая

рукка схватила ее за волосы, а другая занесла над головой нож. Валентина закричала в голос и потеряла сознание.

Очнувшись от насторожившего стука в дверь. Мужа в комнате не было. Около Вали сидела dochka, которая сидела на раскладушке, склонив руничками.

Вала с трудом поднялась, отперла дверь. На лестничной площадке стояли соседи и ребята с повязками дружинников. Обеспокоенный Кузьмич пронесся вперед.

— Чего у вас тут? Мы слышали, как ты кричала. Может, что с Николаем не поладила?

— Нет, у нас все хорошо, — ответила Вала и невольно покраснела.

— Ну, как знаешь, — Валентина. Только в дружной компании не будешь, не пугай народ, — развернулась Кузьмич.

С этого дня семейная жизнь окончательно потеряла для Валентины всякую привлекательность. Не радовали ее ни домашний уют, ни ласковые слова Николая, ни его премии и прогрессивики. Единственное, что еще удерживало ее рядом с ним, — это мысль о том, что Наташа нужен отец.

— Недолго был мир. Через несколько месяцев из квартиры выехал Николай, принял за старое. Утром, браня, пынялся.

Как-то Наташа забрала грипп, и Вала взяла ее на руки, тихо напевая песенки. Николай, изрядно выпивший, сидел, утихнувшись в газете. Его раздражал и Валин голос и ее хождение взад-вперед по комнате.

— Замолчи! — приказал он жене.

— Если тебе надоело слушать, иди погуляй. Словами же наполнила Николая аростью. Он сорвал со стены огнестрельные ружья. Вала прервала его и отдернула руки от мужа и вернулась к нему спиной. Грипп выстrel. Дробь пролетела высоко над головой Валентины и застряла в стенах.

Приказ к груди ребенка, женщина выбежала во двор. Кто-то вызвал милицию. Закупова вывели из квартиры и увезли.

— Коля, Миша, Сеня, ау! — громко кричал Сержека.

— Ау, ау! — неслось со всех сторон. Четверо подростков не спеша шли по лесу.

Поход продолжался уже два часа. Тяжелый рюкзак с привязанным к нему ведром пригнал Сереку на дереве, когда она к нему подбежала. Серека и Сеня цеплялись за ветки. Винеградно-мальчишеское чувство, как по рюкзаку ударило в спину. Грипп упал на спину. Серека обернулся и обозвал:

— Ребята! Ко мне! — радостно закричал он. Сбежавшаяся на приз дружья увидели в Серекиних руках... автомата.

Потом, на привале и по дороге домой, ребята горячо спорили, как немецкий автомаг мог оказаться на дереве, кто же его там оставил, почему он не свалился раньше... А сейчас все с любопытством осматривали находку, дергали разные части, пытались отвести затвор автомата, но смогли.

Хорошая штука! — восхищенно сказал Коля, но тут же неожиданно для всех спросил: — А может, его сдали на изнасилование?

— Зачем? — полуподозрительно спросил Мина.

— А кто его знает, оружие же есть...

— Ну и что? — возмутился Серека. — У моего отца товарищ есть, полковник в отставке, так у него, пожалуйста, пистолет. Значит, нет такого закона, чтобы сдавать... Оставим автомаг себе, почищем, смажем. Будем ходить с ним в лес, встретится бандита — пунчмы!

Миновал месяц. Автомаг, очищенный от ржав-

СТВЕННОСТИ ОБОЖДАЮТ...

чины и выкрашенный, имел внушительный вид. К сожалению, он не работал. Ребята обильно поливали его машинным маслом, но быть по автому не решались, опасаясь, что вредят. Это же время друзья ходили гордые и доволенными необычной находкой.

О том, что у Сережи есть автомот, узнала мать. Вначале испугалась, стала ругать сына, выяснила, что оружие старое, успокоилась.

Однажды вечером ребята встретились в клубе на танцах. Сережин пиджак странно говорил:

Принес — шепотом спросил Миша.

Обутую Сережу, друга, в который раз рассматривали, опускали на автомот, нажимали на спусковую скобу. И вдруг... случилось то, что никто не ожидал: автомот взорвался. Парни были настолько очарованы, что не сразу заметили: музыка смолкла, и все смотрят на них.

* * *

Григорий Казаков быстро шагал к темнеющему лесу. В пути он обогнал группу молодых людей и заснул.

«Инь, развелось охотников!» Как только во сне нападать исполнится, так за ружье и в лес. А с оружием обращаться не умеют, правил охотника. Григорий Казаков, не зная этого, поднял себя на мысли, что в этом году он и сам еще не успел ознакомиться с правилами охоты на нынешний сезон. На каких зверей и птиц разрешено в это время охотиться, на каких нельзя, он точно не знал. Слегка помучившись укорами совести, Казаков успокоил себя тем, что вряд ли в этом сезоне правила изменились, и заснул быстрее.

Все было в чистке.

Вот и заснули, разжалоблен. В прошлом году Григорий встретил здесь медведя и сваил ее двумя выстрелами. Поступ, находившийся с ней, скрылся в лесу. За ценную добчу охотники похвалили и вознаградили пятьдесятю рублей.

Нычье прщел через постула. О том, что тот находился подле неподалеку, говорили следы: здесь каталась по траве, а тут драл с деревья крошки.

Неожиданно Григорий услышал, как слышили то шумно вздохнул. Он обернулся и увидел метрах в тридцати медведя. Тот с любопытством разглядывая охотника. Затем, сердито зарычав, бросился бешко, но две горячие пули настигли его и уложили на траву.

...К вечеру на свет костра подошли братя Субботины. Поздоровались, поговорили о том о сем. Казаков похвастался, что убил медведя. Братья выслушали молча, затем Субботинские, с сожалением глядя на Григория, спросили:

— Ты газету выписывалась?

— Областную аккуратно получаю. А к чему ты клонишь?

— К тому, что ты ее, наверно, через строчку читаешь. Месцы назад облизполком запретил отстреля медведей. Решили сохранить косолапое племя. И еще газета писала: за незаконную охоту будут привлекать к суду.

* * *

Три непохожих по содержанию эпизода объединяет одно: каждый из них рассказывает о преступлении, совершенном, разумеется, в силу различных причин, но и по мезанизму закона одинаков.

Пронализируем поведение виновных, степень осведомленности каждого из них о требованиях закона и правомерность их действий. Правда, виновные

Эпизод первый. Из истории права известно, что угрозой убийством наказывалась преступление избоя. Первые законы, в том числе и те, принятые еще в период образования Российской империи. Ныне уголовная ответственность за подобную угрозу установлена почти во всех социалистических странах и в большинстве буржуазных. И в нашей стране тридцать лет назад, по предложению трудящихся, после широкого обсуждения на страницах печати, по радио и телевидению, впервые во всех республиках была также введена ответственность за угрозу убийством. В соответствии с требованиями законов человека не может называть, что он угрожал убить, причинить тяжкое телесное повреждение, подлежащим имуществу (статья 207 УК РСФСР) и эта угроза, по мнению органов прокуратуры, была действительно реальной. Наказанием за данное преступление может быть лишение свободы (в одних республиках — на срок до двух лет, в других — на год и менее) или исправительные работы.

Ответственность за угрозу убийством введена в наше общество для охраны интересов трудящихся. Однако в силу различных причин статья закона применяется не всегда правильно, а то и вовсе не применяется, хотя преступление налицо. Иногда распространяющиеся хулиганы длительное время угрожают человеку убить его, однако органы милиции не возбуждают против них уголовного преследования, ограничиваясь наказанием за мелкое хулиганство, передачей материалов в товарищеский суд или добыванием изъятия из-под охраны заведомо опасных склонных к правонарушениям, чувство беззаконности. К тому же статья закона об ответственности за угрозу убийством мало кому известна, как это и было с Закуповым.

Подумайте, какая важность — помахал ножом, выпирал из ружья. Так ведь в жене не попал, да и не целился! Я только попугать хотел! — рассуждал виноводельщик Закупов на допросе, когда ему сделали предложение: Говорят же, муж с женой сорятся — только гештальт.

Закупов ошибочно полагал, что если преступники (в конечном итоге вы滋生ившиеся в преступлении) останутся безнаказанными, а если и покарают за них, то слегка, как за мелкое хулиганство. Надежда на «авось» и незнание закона подвигли преступника. Народный суд установил реальность угрозы и приговорил Закупова к шести месяцам лишения свободы.

Теперь рассмотрим второй эпизод.

Нычье прщел, чтобы избежать наказания, заготовлять, хранить и сбывать холодное и огнестрельное оружие без разрешения органов власти (исключения касаются лишь охотничьего оружия или относящегося к национальному костюму, и они эти исключения, четко оговорены). Лицо, нарушившее эти законы, может быть лишено свободы на два года.

Почему закон столь строг? Оружие не является необходимым в быту и при случае может быть опасным для жизни, для жизни несовершеннолетних граждан. Как правило, незаконное хранение оружия гражданами, особенно подростками, к этому и приводят. Кроме того, общесообщество, что оружие иногда специально приобретается людьми, намеревающимися совершить какое-либо преступление. Приминяется это же во внимание, закон и предусматривает для нарушителей серьезное наказание.

Легкомысленное поведение ребят, о которых мы говорим, лишь случайно не привело к гибели людей. За незаконное хранение и ношение огнестрельного оружия подростков привлекли к уголовной ответственности. Правда, винодейство

вина, учтивая, как говорят юристы, личности виновных (парни успешно учились в школе, отличались хорошим поведением), дело прекратили, и на обратившего родителем на крупную сумму что-то в виде материального Сережиного отца, то, как выяснилось, оружие у него было именное, и он имел разрешение на его хранение.

Перейдем к третьему эпизоду.

Охрана природы в нашей стране давно уже стала важнейшей народнохозяйственной задачей. Только за последние времена ЦК КПСС, Верховный Совет СССР и Совет Министров ССРприняли ряд постановлений, направленных на охрану природных богатств страны. Именно поэтому мы должны особенно нетерпимо относиться к случаю небрежного или варварского отношения к лесу, воде, ценным видам животных и растений.

Порядок охоты у нас строго регламентирован. Закон разрешает охотиться с оружием любому гражданину, достигшему восемнадцатилетнего возраста, если он состоит членом общества охотников и рыболовов, слад, установленные испытания и уплаты государственной пошлины (в промышленных районах действует несколько иной порядок).

Охотники обязаны знать места и сроки охоты, виды зверей и птиц, отстрел которых разрешен. В случае каких-либо изменений в правилах задолго до охотничьего сезона население широко оповещается о них с помощью печати, по местному радио и телевидению, через государственных и общественных инспекторов госохотнадзора. Но, кроме того, и сам охотник должен пониматься, что не изменения ли пренные правила, и если в них есть нововведения, от которых он не пользуется, то он — «прогиб», — «прогиб сообщение», — но успел поговорить с егерем! — не слушает опротившим незаконной охоты, как это было и в случае с Казаковым. За отстрел зверя, охота на которого была полностью запрещена, Григорий Казаков приговорили к году исправительных работ с удержанием 20 процентов заработной платы и конфискацией добчи и ружья.

Какой-нибудь читатель может удивленно воскликнуть: как же так, человек не знал закона, а его привлекли к ответственности?

Дело в том, что в нашей стране, как и во многих других, действует принцип: незнание закона не освобождает лица от ответственности за его нарушение. Каждый гражданин должен знать законы своего государства.

Ище общество, чтобы избежать возможного правовому воспитанию трудящихся. Законопроекты, как правило, широко обсуждаются в прессе. Пропагандой правовых знаний квалифицированно занимаются многие наши газеты и журналы. С действующим законодательством можно ознакомиться и по сборникам законов. Если еще недавно на прилавках книжных магазинов трудно было найти, например, Уголовный кодекс, то сейчас эту книгу, как и другую юридическую литературу, могут массовыми тиражами и по доступной цене купить.

Короче говоря, каждый человек у нас имеет возможность ознакомиться с законами, и его святой долг — сделать это. Но если вдруг вы оказались в сложной ситуации и не знаете, что предписывают в данном случае правовые нормы, поступайте, как говорится, по совести и вы не ошибетесь. Ведь мораль нашего общества и правовые нормы находятся в тесном единстве, содержат один и тот же требование, и человек, поступающий в соответствии с высокими принципами нравственности, никогда не окажется в числе правонарушителей.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЬДЖНЫХ ГОНКАХ

ЗИМНЯЯ СПАРТАКИАДА
НАРОДОВ СССР • 1974

8 марта праздничные фанфары возвестят любителям спорта об открытии зимнего сезона — финалов III зимней Спартакиады народов СССР. Чуть позже страну покроется снежно-ледяной ковёр, скользящий под ногами горнолыжников, конькобежцев и лыжников (здесь будут проходить состязания по скелетону, конькобежному спорту, лыжным гонкам, фигуристике на коньках) и высокогорной альпинистике посёлок Бакчары (Бахчисарай, Крым) — горные гонки с трамплинами, горнолыжный и санный спорт).

Есть глубокая символика в том, что спартакиады проходят в противоположных концах нашей необъятной Родины. Всё началось с конноспортивных поездок конноспортивной школы Белой Спартакиады, начавшейся еще прошлой зимой. Сначала на старты вышли национальные коллективы физкультуры, на втором этапе прошли массовые спартакиады в районах города, третий собрал лучшие спортивные школы из всех уголков республик, а теперь готовы соревноваться лучшие из лучших — сборные команды.

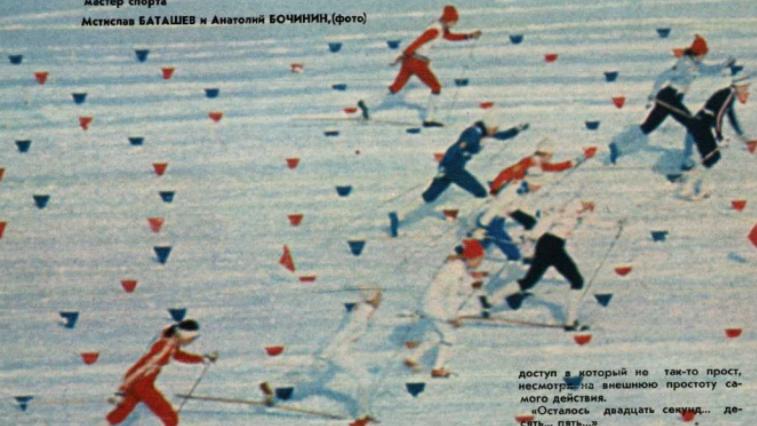
Десетки тысяч юношей и девушек, выполнивших эти же нормативы комплекса ГТО и наследия приобщившихся к спорту, вот главные героя первых спартакиад народов. Могт, скажешь теперь.

Спереди — Бакчары, надежен и прочен. Он едет не только в Страну Большого Спорта, но и к самому глазу: «мужу, самому важному из всех спортивных рекордов — здоровью и бодрости всего советского народа, штурмующего высоты десятой пятилетки».

Анатолий КОРШУНОВ,
мастер спорта

Мстислав БАТАШЕВ и Анатолий БОЧИНИН, (фото)

онки приходит ко мне бальными воспоминаниями. Повзустершившись и чихнув,

Испепеляющая неистовство стремительных гонок. Заснеженные пространства. Сияющий глянец настя. Тихи звон поземки. Обнажающий ветер в лицо. Резкое сияние солнечного дня,

И бесконечная, бесконечная белая лента лыжни, уходящая в безмолвную даль.

Подъемы и спуски. Пот в глаза.

И тренеры, ссутулившиеся под тяжестью раций.

Шелест скользящих лыж. Разгоряющееся прерывистое дыхание. Пульс — 180 ударов в минуту. Бешеное биение сердца. Ариплон «Холи» за спиной. Скорость скользящих в пружинистый ком тел. И бег, бег...

Это мир гонки. Особый мир гонки,

доступ в который не так-то прост, несмотря на внешнюю простоту самого действия.

«Осталось двадцать секунд... деть... пять...»

Ты стоишь на старте. Перед грудью флаг. К горлу — ком. Суета сует по-видимому, но не для тебя. Просто спидометр. Отдува-то, словно издалека, доносится бесстрастный голос судьи: «четыре... три... две... «один!»

И все. Паш! Отталкивайся пальками, ты уходишь на дистанцию и оставшись один на один с лыжами. Нет зрительного зала, нет аплодисментов... Километр за километром молчаливых лыжни — твое одиночество и отказ, упротив, терпение, мужество и щедрость.

О, неизмеримо легче быть героям в присутствии зрителей. Неизмеримо

ВЯЧЕСЛАВ ВЕДЕНИН. РИТМ ГОНКИ. ПОДЧИНЕННЫЙ ОДНОЙ ЦЕЛИ — ПОБЕДИТЬ.

**ГАЛИНА КУЛАКОВА
ПЯТЫЙ СЕЗОН
В ЛИДЕРАХ.**

Галина Кулакова — чемпионка мира и Олимпийских игр, 31 год, деревня Степаново, Удмуртия.

Вячеслав Веденин — чемпион мира и Олимпийских игр, 32 года, деревня Слобода Тульской области.

Алевтина Олюнина — чемпионка мира, серебряный призер Олимпийских игр, 31 год, деревня Пчелкино Костромской области.
Федор Симашев — бронзовый

— бронзовый призер чемпионата мира, серебряный — Олимпийских игр, 28 лет, деревня Верхний Багряш Алтайского края.

Раиса Сметанина — призер чемпионата СССР, 21 год, деревня Мокча, Коми АССР.

И так далее... Да и Скобова я на-

звал бы горожанином с натяжкой, ибо дом его на окраине Омутнинска—скорее деревенский. И сам Скоблов с 12 лет сутками пропадал с отцом на охоте в лесу, отмеряя за день на лыжах километров по 40—50.

Так вот, что это — случайность или закономерность?

Я нарочно взял в сборной разные возрастные категории, разные уровни мастерства, разные ранги заслуг... С одной целью: показать, что в сбор-

ную страны пыльники приходили и приходят из сельских районов. И, между прочим, если говорить о сельских, то и лучшие гонщики Финляндии, Швеции, Норвегии — фермеры и лесорубы, но, скажем, никак не бизнесмены или банковские служащие... Стало быть, предположение о случайному стечении обстоятельств отпадает. Остается закономерность. Но в таком случае — почему?

Причину сельского происхождения лучших гонщиков можно усмотреть в том, что в сельских районах лыжный спорт — самый доступный род развлечения и физической деятельности. Тем более — в отсутствие конкуренции со стороны плавания, горного катания, хоккея, гимнастики...

Однако при ближайшем рассмотрении подобное утверждение, с одной стороны, выглядит примитивным, а с другой — не вполне соответствует истине, ибо дело не в условиях (в лучшем случае они имеют второ-

оборот, сдал. Может быть, где-то, в километре за твоей спиной, родился новый лидер.

Одиночество и недостаток информации соперниками — вот что изверное, самое трудное в гонке, ибо прежде всего из этого исходит вечное искушение уступить самому себе. Испущенный, которому достаточно податься лишь однажды, чтобы никогда не стать потом гонщиком. Настоящим, разумеется.

...Холмениколен (Норвегия). Чемпионата мира, 1966 год, 26 февраля... Невероятно, но факт — он лидировал в гонке. Бласчеслав Веденин выигрышом марафона. Его время оставалось лучшим после 30 километров и после 40... К 44-му километру отрыв от ближайшего соперника составлял почти две минуты...

лен... Команда улетала в Осво утром и сел в зале заседаний Верховного суда, где проходил суд над Судом, его решали на бурном заседании федерации, затянувшемся до ночи. Все это время Веденеев сидел в комнате, не включая света, и мрачно ожидал приговора. Около часа ему возвезли Виктора Буты — то время его третий и предпоследний арест. Веденеев безразлично спросил: «Ложись спать. Всё в порядке — лягтишь».

В тот год в Холмениклене лыжный королем был норвежец Рерунд Симен. Никто не мог сравниться с ним и несомненно, он был лидером для никому не известного Евгения Евгеньевича в марафоне воспринималась на уровне самой крупной дерзости. Нужда доказать стояла, а сердце билось в груди, как часы. И вот один час он выигрывал. Единственный в команде! Он реагировал в подъемы, Как в невесомости, пропадал в спусках. И бежал, бежал... А комментаторы все чаще повторяли его имя.

Он был из тех людей, которых вспоминаешь из-за чудесных, из-за грустных, Вы

Чина. Жевал, чтобы не «загодялить», куриное мясо. Птичий копф с лимонным соусом... Все это он проделал механически и единственное, что имело значение, — это то, что сознание, — это жажда победы.

С утра чуть подморнивало. Небо было в ясную погоду, ничего не предвещало перемен в небе, в температуре снега. Мазь, которой были смазаны его лыжи, отлична. Все складывалось хорошо. Старт был назначен на одиннадцать. Лучи его вертикальные упирались в склон подъема. Знаменитого холмени-

легче одолевать круг за кругом по стадиону, когда сортическая толпа в восторженном порыве скандирует свое имя, требуя победы... И сколь трудно оставаться героям в одиночку!.. Быть самим собой — это же судьба, сказала Ксения. Когда все внутри. И только там знаешь, где пришлось тебе трудно, где ты синяк, сладко, потерял надежду, снова обрел ее, взялся себя в руки, поверил и победил.

Одноклассство гонщицы... Неважно — то тренировка или соревнование... Есть колективные виды спорта, где ты постоянно ощущаешь ловкость, силу, выносливость, а также и слабости, которые пополняются на тебе усилий, партнеров. Хоть изложение отложиши за его спиной. Или на ладонь конец разделить пополам неудачу... Есть виды спорта — их большинство — где ты один против земли, где соперник перед собой, и потому информации щедро питает твои честолюбие, изумление, онт, волю... «Дав ее всем», — думал он, когда обнимал тебя.

«Родители, — говорил Тимур, — это те, кто

в голове рядом с тобою нет никого. Ты один на лыжне и за все отвечаешь сам. И лучшеш, что может быть,—этот-то крикнет вдогонку:

— Минус десять лидеру!..

Но кто он, «лидер»? Да и какое это имеет значение? «Минус десять» или «плюс десять» — скудный и мимолетный факт из прошлого. Из того прошлого, когда лидер прогебал здесь... Но что с ним сейчас? Может быть, он прибавил. Может быть, на-

первом же подъеме шапочка летит в сторону. Гордо реет копна некоторых каштановых волос. Рукава немножко красной рубахи завернуты по локоть. И пламенея честолюбия неукротимо бушует в Скобове... В лидерах сразу. Любой ценой. А там — будь что будет. Я не видел человека, которого гонка испепеляла бы так, как Скобова... Да, это звучалось, она еще дешево не отпускает его.

Веденин — пытливый противоположность. Коренраст, спокойен, уравновешен. Он начинает гонку медленно, как бы лениво раскатываясь. И на первых порах с трепетом обнаруживая, что он держится где-то во втором десятке... Но постепенно, по мере определения обстановки, возможные соперники темп нарастают и вспомогательные переходы в спремьеральном полете исчезают.

Описать его труну. Он состоит из воспиртий цвета, ритма, академической мягкости, ощущения неотвратимости, скрытой, необримой силы... Веденин идет переменным шагом — словно большая белая птица мерно взмахивает крыльями. Постукивает уклон (именно почуствовал) — одновременно отрывая пальмы, прокатывая ровно ступни, чтобы подхватывать динамику, колесами наклоняя туловище, — и падает подъем — легко забежав в ноги. И в каждом случае без видимых усилий. В каждом случае есть свой ритм. И есть еще общий ритм гонки, подчиненный одной идее — победе.

Да, при всей простоте содержания лыжного бега (в принципе: есть сила — бег!) гонщики выражают себя в нем очень по-разному. Откровенная прямолинейность Кулаковой, например, — и сразу напоминает ставку на грубую физическую силу. Кулакова действительно очень сильна и как-то с гордостью сказала мне:

— Я сильна.

Сама же дала ее бег в какой-то фазе прямолинейности, как лаконизм, Ни одного лишнего движенья. Ни малейшего отклонения от нормы. И, может быть, отсюда исходит ее потрясающая стабильность. Весь сезон — от начала до конца — в лидерах. Весь сезон из неубийственных склонов ландшафтов — тренированности и возможностей — она экономно черпала энергию, как из глубин, однажды для победы в данный момент.

Рядом с ней Олонина кажется поблекшим цыпленком. Хрупкая, тихая женщина. То грипп, то агиния, то просто грусть... И вообще она не может постоянно держать себя в нервном напряжении, в суровой узде. Для взрыгай ей нужен особый эмоциональный запас. Нечто сверхъ обычное — Олимпийский дух, олимпийская мириа. Атмосфера приподнятости, когда каждому выигрывать предстоит на более высокими мотивами, нежели честолюбие. Вот тогда в Олимпийской просыпается несгибаемая воля боещ, и она способна совершить значительно более сильных возможностей, строго определенным тестами, педагогическими наблюдениями и результатами общего сооружения.

Высокие Татры (Чехословакия). Чемпионат мира. 1970 год, 16 февраля... Вот этот великий миг. Великий миг, который несет в себе будущий жаде и ложка его 13 лет, когда из Слободы-для-достоинства иннициативы (и парашютизма) по склонам горы Бориславка впустила в Тулу на областную спартакиаду шашников, необъяснимо уверенными, что они — лучшие. Их промолкли в пригородном поезде, смытыми нелепыми заудалыми лыжами, утащили... А утром вышел на старт — хотели менять прокладку, допускали ошибку — и забыли про это, видеть самодельность, подсунутую вближайшему сопернику три (!) минуты.

От этого финишника до этого, в Высоких Татрах, в победной гонке на 30 километров его отелили 13 лет, смотревшие на него глаза: три золотые медали и опыт, дорожной ценой приобретенные в Холмленском коллене и в Гренобле.

Бот этот миг — Вачеслав Веденин пересекает финиш и взмывает вверх руки, вспыхнув теми же самые руки, он матят тан с подиума, руками, и пальми, свисая на ремешках, расходясь в стороны в стопах. Кто-то бросился к нему, кому-то — неизвестно, целует... И вот уже вокруг воющеющие в море голоса. Веденин в толпе — стоит на финише. Две минуты. Качают его, качают Павла Колинина, качают всех, кто таки или иначе причастен и успокоен...

Финишная речь-шишишиши: хорошо, мы провели с боярьем, об отрывании от тренировок и об одиночестве, о щадро пролитом поте... Но ведь далеко не каждый из вступающих на лыжи стоит перед собой цель — достичь сияющих холодным светом недоступности олимпийских вершин. Далеко не каждый наделен честолюбием и великим упрямством.

Как же быть с теми, кто удовлетворяется соперничеством на более низком уровне? Скажем, в масштабах города или области. Гонщики ли это? Скорее нет. Это — любители, любители великих любителей, любителей отдыха, которые встают на лыжи лишь для того, чтобы в субботу и в воскресенье выбираться за стены шумного города и довериться тишине и спокойствию лыжни, петляющей между соснов.

И здесь нам предстоит обратиться к некоторым свойствам лыжного спорта, которые ставят его в положение исключительное... Не секрет, что для лыжника спортивная слава — существует властаря цели, за пределами которого человек по тем или иным причинам данным видом заниматься нецелесообразно.

Лыжные же гонки доступны людям любого возраста... В молодости вы можете сколько угодно тешить свое тщеславие, сражаясь за самые высокие награды. Но пройдут годы, углубятся страсти и представьте: вам, 60-70-летнему, будет стоять же лестно одеяние, сидя на скамье сверстников, но твой 10-метровый лыжный шаг в дистанции. И не случайно, между прочим, существуют горки поклонений, и самая знаменитость из них — 80-километровая «База-полот»), где среди 8—10 тысяч участников вы встретите и олимпийского чемпиона, юношу, и убеленного сединами старичка, мужчин, и женщин... Всех на одной лыжне.

Но прошу, гонки еще времена почумы либо все не устроены. Вы вообще против любых соревнований? Да времена. Из принципа. Чем же лыжный спорт и в данном случае доста точно гибок. И если у кого-то нет желания соревноваться «на времена», то с не меньшим успехом можно соревноваться с кем угодно, в том числе и с самим собой на один километр. И если ты хочешь, можешь в полной мере испытать себя — например, 2 600 километров от Москвы до финского города Торнио, как сделали это в 1969 году шесть московских девушек — команда «Летиц», возглавляемая Валентиной Кузнецовой, или спокойненько набить свою километровку в течение зимы, не зная, что это делают тысячи жителей Савиихи, Муораси, Арангисельки, Рийнисса, и других городов страны, где соревнования «на километровку» привели к невиданному развитию массового лыжного спорта. Кстати, эта форма популярна и в скандинавских странах: Швеции, Норвегии, Финляндии, а доли и, возможно, пересекают так называемые «горные» лыжи, разочарованные и промаркированные, подсунутые скозину в образцовом порядке.

Так вот он каков, великий спорт! Многообразен. Не знает возрастных границ. Прост в освоении, необычайно здоров в своей основе, в характеристике и в ритме движений. Именно поэтому лыжный спорт — спорт для всех, и у каждого же лыжник своя вы-
сота и своя гонка.

...Саппоро (Япония). XI Зимние Олимпийские игры. 1972 год, 13 февраля...

И это перед газами. Снова и снова... Снова и снова... На финишной эстафете последней гонки — эстафете на 4×10 км — Максимов, 2 часа 04 минуты 47,98 секунды — невероятного напряжения!

Владимир Воронков с запаломышем уставшими глазами...

Финиш... Кому между хитрой линией и прыгнувшим на финиш Полом Тильманом и простодушным гордцем Юрием Смирновым?

Федор Симашев на финише, согнувшись в три погибели, опершись на руки, и Иван Форму — долгожданный и молодой на руках линчующих соотечественников.

И, наконец, Вячеслав Веденин... Все, что он сделал на последнем, называлось — и это было неслыханно — Стремительным финишом! Иос Харвицен позади. Шатающийся финиш! Иос Харвицен позади. Шатающийся финиш! Иос Харвицен позади. Вячеслав Веденин...

Я никогда не поверил в эти истории, в эти легенды, в эти сказки...

Он прыгнул в финишную 82 секунды позже Харвицена. Редкое совпадение, но редкое стольким он играл в тройке лидеров.

Он сделал все, как когда-то Минторгант, чтобы заронить в душу Харвицена сомнение относительно действительности. С этим он пронесся тревожные вести: Симашев промыкал, время 30 секунды...

Он был первым, кто пересек финишную линию на 82-м километре, и в этот момент, когда финишную линию на душе у него скребли кошки, схватился за руки, поклонился. Харвицен всем своим видом показал, что его склонно волеют разница во времени.

Харвицен ушел на последний этап. Трибуны опустели. Все решили, что дело сделано. Но коварцы носили на спине гравюру с изображением Формы, распевая песни и замазывая флагами...

Он был только его ученик, заводил себя Веденин на старте, они-то Симашеву, — только увидеть спящего Курзину он побоялся... Через полтора часа его ветрила Владимир Курзин...

Минут пятьдесят...

Пятьдесят секунда... минута... Кандалы на голове, на спине, на плечах, на груди, на животе, на коленях, на руках, на ногах...

Курзин поднялся, наехал на финишную линию, поклонился...

Тот ответил: Собираю радио, иду на финиш...

В этот момент вспыхнуло пламя, охватившее его шею, и он скончался. Рядом, американский тренер, Уильям Каменски, без речи, написал на снегу: «Здесь умер Владимир Курзин». И Каменски, здрав и, что дела, утихнули, что Веденин умер, и Курзин умер, и Форма умерла... Промчался Харвицен... Американец написал на снегу — 25. И вот — Форма...

«Огни!» — подумал он. — Ну, огни!»

Харвицен оглившись. Он увидел только язкое пламя Веденина с этого мгновения он был обречен.

Как когда-то Минторгант, Веденин, несмотря на то, что был первым последним подъема, знал, сколь трудно здесь уступить лыжни. Харвицен знал, что если уступит, то он умрет. Курзин же, наоборот, знал, что если уступит, то он умрет. Это было в километре от финиша. Американец Примаков завопил на рациональности Объекта...

Сейчас ты его увидишь! — крикнул Каменски, понимая, что именно это главное — увидеть.

В стадионе, где на первенстве мира норвежцы уже не пели, Форма стояла напротив линии старта и, вытирая шею, направленно налево, к месту, где лежал Курзин...

Курзин был показанье Харвицену. Веденин увидел его в начале предпоследнего подъема...

«Огни!» — подумал он. — Ну, огни!»

Харвицен оглившись. Он увидел только язкое пламя Веденина с этого мгновения он был обречен.

Как когда-то Минторгант, Веденин, несмотря на то, что был первым

BOGAIA 71

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Y переменчивой моды, чьи агрегаты часто невозмож но предугадать, все же есть нечто постоянные привыкности, и в их числе трикотаж, толстые края, константная новая Кузьмина, диктор Всесоюзного Дома моделей трикотажных изде лий.— Сегодняшняя мода немыслима без вязанных вещей, и, несомненно, что дальнейшее «отрикотаживание» моды — процесс, которому при належит будущее.

— Понимаете, спасибо Л. К. Кузьминой за то, что она не одна лишь модедонская патристка, она имеет индивидуальность и легкость трикотажа делает его применение практически неограниченным. Изздания из этого материала сопровождают нас чуть ли не от рождения и до самого преклонного возраста. Не последнюю роль играют здесь и гигиенические свойства трикотажа, это гигиеничность, воздухопроницаемость. Потом, конечно, мы не можем забывать, что, языком на пыльной арготике, днем на работе и вечером в театре.

Но перед тем как об этих появят трикотажу к моде? — Что предлагают художники Дома моделей трикотажных изделий на минимумную весну! — Мы старались, — говорит Ирина Ильинская Вольман, художественный руководитель Дома моделей трикотажа, — чтобы разнообразить трикотажную моду. Ее стиль преобладает классический, строгий стиль, то молодежный вязаный ансамбль, присущ оптимизму, более острые и смельче решения, что достигается сочетанием в костюме различных элементов, не редко контрастирующих по форме и цвету. Это, например, юбка или блузка из шерсти и жилет соверше но другого цвета и фактуры. Такой ансамбль дополняют вязаные формы свитера, маленькие пулloverы, джемперы-туники различной длины и многообразных складочных решений.

Имел в своем гардеробе несколько таких штучных изделий, вы поклоните ми их по своему вкусу, потому что, как в магазине получиться целостным ансамблем. Возможность выразировать по своему выразительность, создавать, сочетать в одном из изобретательных принципах современной моды — минимуму необходимых вещей.

По-прежнему модны куртки с широкими использованием карманов, клапанов и декоративной строчки, а также металлической фурнитурой. Важным элементом модного молодежного комплекта — декоративный пояс, который, как правило, подчеркивает линии талии или свободно опоясывает бедра.

Длинные юбки для молодых девушки — немного выше колена, и лишь в нарядной одежде, романтических плащах с оборками и рука вами типа «фонарики» длина поднимается на 10—15 сантиметров выше колена. Весна — время пробуждения природы, время ярких, насыщенных красок, и мода, естественно, откликается

на это. В трикотажной одежде для молодежи есть все гаммы цветов, в рисунке особенно модны полоски и клетки. Причем сочетание их может создавать декоративную палитру или с мягкими переходами от цвета к цвету, или с яркими вкраплениями по диагонали.

Яркие цвета в одежде для молодежи, — говорит старина художник Дома моделей Людмила Васильевна Оносовская, — всегда радуют глаз. Но, естественно, во всем нужна мера. И хотя мы здесь ведем речь о трикотаже, заметим, что грубым костюмом можно испортить даже самый изысканный туалет.

Каждая мода отсылает к брюкам и брючным ансамбли!

Этот вид одежды прочно вошел в гардероб каждой женщины, — продолжает Л. В. Оносовская.— Мы предлагаем брюки, умеренно расширенные книзу, с манжетом и без него. Трикотаж (и не только) во всяком роде «ультрамодны» новизны. Сколько интересных решений в покрое брюк! Их наблюдали за последние годы: брюки с каскадом, юбка, юбка, и брюки до колен, называемые широкими и прямые брюки-трубы. Но, чем остree были эти «инновации», тем скромнее они отмывались. Экзакен на время выверхали лишь брюки, плотно облегающие бедра, и плоско расшиненные книзу.

Создавая ансамбли из трикотажа, художники забываются и о дополнениях: широкие головные уборы, пелеринки, чулки и болотки. Некоторые предпочтут носить налепленные вязаные погонки, которые хороши в демисезонном пальто с широкими и без него. Модны будут и мягкие вязаные береты, которые хорошо смотрятся с весенними вязаными брючными комплектами, эластичные колготки с вертикальным полоской и в том им вязаные перчатки.

Как же удаляются в жизнь знаменитые художники Дома моделей трикотажных изделий?

— Мы держим самую тесную связь с трикотажными фабриками страны, — говорит старший художник отдела внешней торговли Нина Владимировна Елисеева. — Наша художников-модельеры часто выезжают на предприятия, помогая создавать новые полотна и модели, разрабатывать и художественные концепции. Дома моделей они поступают в производство.

Лучшие трикотажные предприятия страны, такие как Косинское трикотажное объединение, Московский трикотажный комбинат, Гомельская фабрика имени 8 Марта, уже выпускают те изделия, о которых мы величерь. Такой быстрый переход от авторского замысла к готовым продукциям возможен благодаря новой системе планирования производства, по которому Дом моделей трикотажных изделий осуществляет методическое руководство предпринятиями, оказывает им повседневную практическую помощь в обновлении и расширении ассортимента. А формируется этот ассортимент с учетом спроса потребителей и пожеланий творческих организаций.

В НЫНЕШНЕМ СЕЗОНЕ МОЛОДЕЖНАЯ МОДА ЧЕТЧЕ ОПРЕДЕЛИЛА СВОИ ОТЛИЧИЯ ОТ «ВЗРОСЛОЙ» И В СИЛУЭТЕ И В ЦВЕТОВЫХ РЕШЕНИЯХ.

ДЖЕМПЕРЫ, ПУЛОВЕРЫ, БЕЗРУКАВКИ, БЛУЗКИ — НЕОБХОДИМЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОВРЕМЕННЫХ АНСАМБЛЕЙ.

ЯРКИЕ КРАСКИ, РАЗНООБРАЗНЫЕ ОРНАМЕНТЫ МОДНЫХ ЭТОЙ ВЕСНОЙ.

С тех пор, как первый поэт на земле, прислушивавшийся к зарослям, решил, что нет в них ничего ему близкого, родился и поэзия. Но до этого времени до удивительного сознания Николая Асеева и замечательной словесности Бориса Корнилова, пели соловьи, — все о них сказано.

Но вот приходит новый поэт и дерзко заявляет: «Я не буду писать стихи о соловьях, — это прошлый имением — «Соловей».

Кудрявый арл
В царско-сельских медянских садах...

Так и сию соловью не называли ни один из наших Кабин, на самой курицы арл в царско-сельских медянских садах... — Пушкин.

Откуда это взялось у Каря Уинсом? От скитаний по лесам Дальнего Востока, в палеонтологических экспедициях? Каря, кажется, первый палеонтолог в нашей поэзии. От много-

запыленной любви к литературе, русской и мировой? От молодого напора? Трудно сказать. Стихи редко пересекаются с жизнью. Но это не значит, что скорее дело отчаяния. В стихах долгота от ощущения к слову сложнее, изящнее.

— Вот как пишет Каря об августе: Осенние прошли доныне. Но холод Еще не пронял рощи. Сухо иной раз на листы... И ольха глухая Не отрывала ветвей...

Из того далее — всего 13 строк и ни одного неточного, более того, ни одного лишнего слова. Слух обострен

и ощущение, что несет ухо, несет слишком много звука. Текст обрамляется в строфах, мешая друг другу и читателю.

В других стихах Каря — простота, ясность, немногословие, как и подобает поэзии.

Борис СЛУЖИЦЫ

Каря УИНСОВА

Соловей

Что же есть в соловье?
Беззаботный уверенный голос.

Ищут слан лесные —
Не щещет один соловей.

Он бесстрашно вырвет,
И холод находит на дне,

и межзвездный узор протыкат,
Тотчас же воняет волос.

Кудрявый арл

В царско-сельских медянских садах

Наполен и напиты,

И присал в наш пес отдаленный,

Чтоб силок получить

Или пупо в первитоный висок,

Или счастья висок,

Или первитоных морозных тисках,

Или дальне лететь,

А сюда заглянуть на часок,

Или каменем упасть,

Или песни писать,

Или петь.

Или петь.

Гремящий жесты наливает
И блеском ягнуту листву,

И тнет отраву трачу

Под брилльяントом пылкого.

Все размазались. Но не верь

Илья. Есть и промежутки.

Подсолнечник в глине сада —

Так это лебедь вахтовой

Не разомкну свой конус узкий,

Кустом укрытый, бузиной.

✿

Тот ясный лес припомнился

mine дивом.

Там яркие и твердые грибы
Сияя в традах под земляники,

И светлы негромкие ручьи

Несли стекло, на бабочек похожих.

Он умер, спутник мой,

глубоко болен,

Мени он обучал, дала светло.

Или мы по грибы. Далеко

и склоной.

Он вел дзига. Мы тихо проходили
Две-три деревни. Мягкая дорога

Степная в ноги глинисту пыль,

А около осмык ротолки.

Недолгие исплюммы дожди,

И радуги невинная мерцала.

Рука его привязала обводка

Серебристые ветви ветви,

И ноги находили средиземье

Дороги, засташившей в тинице.

Там, на поляне, отдохнул немного,

Он хлебом с рук корымя во мне

птенца.

Что падало, таски мурлы

И в стороне доклевывали птицы,

И спеша, орешник обогнув,

А мы возвращались пренебрежно,

Уже знакомой близко нам обом.

✿

Осени прошли дожди. Но холод

Не яг на листы. И ольха глухая

Не отропталась ветру. Только август.

Да, только август, и его начало —

Измайловский картофельный цветок —

На томок ножке не пожух нимало.

Чуть отстраненной небо.

Утрами воздух. Ходят луны,

Всходит раньше и поздней

закатом —

И ты, мой друг, как прежде, даши

ми руку.

И это сломяно и точное двинение

Дай мне запомнить, белая зима.

ПОВЕСТЬ

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

типер подстrelт тебя, то язык сам собой разызывается, особенно после боя. Так оно и вышло. Вообще-то, между нами говоря лежать в засаде — скверная штука.

Цоллер решил остановить поток не относившегося к делу воспоминаний. Жест его красноречия, вложившийся ему, я перехожу к истории Фогеля, Эрлака и фон Варбурга.

Цоллер вслушивалась с угрюмым лицом. Да мне интересно, откуда ты кладешь караваны и некоторое время сиди неподвижно, скрестив руки на груди?

— Забудь. Если я тебя правильно поняла, синий, штурмфюрер Фогель арестован английским агентом, а потом вместе с Варбургом попытался установить контакт с Лондоном! Так? Ты говоришь, что англичану привезены третьей степени? Откуда тебе это известно?

— От Фогеля. Он участвовал в допросе фон Варбурга приставлен к тому типу свою любовницу СС-штурмфюрера Лиэзелотту Болль, и втroe с

Эрихом она организовала настоящий заговор.

— Вот как?

— Так утверждал Фогель! — быстро парировал я. — А потом Эрлак застрелился, и фон Варбург куда-то вылез англичанина. Фогель все хотел дознаться, куда же не мог: его сначала самого упратили в сумасшедший дом, а потом в госпиталь и — тю, тю! — к нам.

При желании я мог бы рассказать всю эту историю значительно точнее и подробнее, ибо английским агентом, носившим имя Симона, был я, а также и тот, что сидел в засаде под пальмой лесной птицы, а другое, как Эрлак, проиграв свою игру, застрелился на глазах у меня и Люка; и то, как труду было уйти из конспиративной квартиры гестапо, где происходила реномированная разборка с Эрлаком. Фон Варбург вынес меня на своей машине, бросив в квартире труп Эрлака и связанныю мною Лиэзелотту Болль, и один черт ведает, как он потом выкручивался, отводя от себя по-

Сейчас Цоллер живо напоминает мне старого буддиста, размышляющего, заслаться ли ему в здоровенность. С одной стороны, соблазн великий другой — и зузы уже не те и помойки по земли! Автоматы полны объездов.

Складки на лбу советника застывают; клочки конверта, едва не сброшенные было в мусорную корзину, притягивают толстые пальцы. Цоллер рассматривает их, перекладывает с места на место.

— Так, — говорит он невразительство. — Дамай-ха, скажи, начни еще раз по порядку.

Я кивнуло и славлюсь слажену. Когда я напрягалась, складки лежащих у меня работают по взбодрившей наружности. Очистив рот и набрав порцию воздуха, я перенеслась из кабинета советника в Париж, в сентябрьские дни, когда рота охранников особняка гестапо в Булеваре лест. Задыхаясь, я вспомнила о тщетной будничальной службе, в которой призываю распространяться о том, что жизнь бойца СС в Париже отнюдь не том, жажда на идеалов и что это сущие враки, будто склонные сами веяются на шее.

Брехни это, вот что я доложу! — решительно заявила я, с удовлетворением замечая, что на щеках Цоллера вспыхивают жилки.

— Ну вот, — говорит он, — и можно сигарету? Тебе же гестапо советник поймет, почему мы все обрадовались, когда Фогель попал в наш квартал. Жуткая скужка, а тут приходит душа-парень, и всем вроде бы полегче. Мы, конечно, знали, что он из разжалобленных, но принял его по-товарищески, да и он, верное дело, держался, как гвоздь!

Цоллер берется за карандаш.

— Фогель? Он кто был по званию?

— Штурмфюрер... А раньше — штурмфюрер. На нем фокс Варбург отыгралась, когда...

— Не спеши, сынок!

— Ясно!

Я вновь кивнула и возвращалась к Фогею, который в самом деле, сколько можно сказать, был не рабочим-подсобником, а настоящей элитной единицей. Одним из не самых существенных отступлений от правил допущенного мной, и я продолжала рассказ, стараясь, чтобы факты и ложь сочетались в нем в разумных пределах. Фогель и точно служил во взводе Лемана. Синие роты, захваченные маки, содержали его фамилию и учили командовать. Известно, что Фогель в СС должен пройти проверку в боевой обстановке. Варбург приставил к нему двух солдат, подавшие поддельный взвод, был свидетелем обвинения и брошен против французов. Плохо только то, что Фогель не оказался среди убитых, плохо в равной степени как для Варбурга, так и для меня.

— Не спеши, сынок! — повторяет Цоллер. — Откуда я к вам поехал?

— Из-за тебя. Он был ранен, легко ранен, самому недостаточно.

— И он был с тобой откровенен?

— Не сказать... Просто, понимаете ли, когда лежишь бок о бок в засадах и ждешь, что фран-

Предложение. Начало в № 3 и 4.

дозрения... А еще двое суток спустя он исчез, уехал в Берлин, оставил мне и Луку ничего не стоящее в данном случае подпиську о сотрудничестве.

Штандебрифтер Эрлих — вот кто был настоящий противник. Он тонко и аккуратно вол чистил, преследуя сразу две подобные цели: внедрить его в парижскую резидентуру Ставицена и получить для себя и Фарбугра страховую полис на случай поражения Германии.

Вспомнил Эрлиха, я думал о Цоллере и отдал ему должное: это тоже противник нам из слабых. Сомневаться не ходил. Иностранец покойного штурмбрандера — это было здорово для профессионального оппонента. Если Эрлих, пытаясь веста по рекомендации НСДАП, был и оставался блестящим дипломатом, то Цоллер, унаследованный службой безопасности от полиции времен Веймарской, прекрасно разбирался в тактике и методике сыска. Сейчас я подразумеваю ему возможность разом взлететь в высокие сферы. На фон Арнде и «заговорщика» не сделает карьеру, а бригаденфюрер Фарбугр — достаточно пропасти в первом случае, чтобы он поднялся в кабинеты, расположенные по соседству с аппарентами Мюллера и Кальтенбуха.

— Ну, и что ты предлагаешь? — задумчиво говорил Цоллер, собирая остатки конверта. — Хотя нет, начнешь ответы: с чего ты взял, что письмо послано фон Бардургом?

— Я этого не говорил.

— Зачем же ты ее будила из мусора?

Мысли всплыли. Пусть господин советник поймет меня правильно! Я долго молчала, пока половина фон Арнда унес с собой. Вот я и подумала: а не от фон Бардурга ли это слухи? Чем черт не шутит, вполне свободно может оказаться, что они родственники... или еще что-нибудь в этом роде... Я, конечно, могу и ошибиться... Но пусть господин советник решает сам, амнистия или я право прославлять подозреваемого бригаденфюрера в измене рода?

«А ты парень не промах!» — отвечали мне газы Цоллера. Порывшись в кармане, советник вытащил сигару и, перепнувшись через стол, протягивал ее мне.

— Что за дермы ты куришь? Возьми же, пожалуйста. СС-группенфюрер Леман, славившийся с «敬畏» Ставицена, вскакивает со стула и щелкает кабуками.

Благодарю, господин советник! Мне мати, господин советник! Или прикажете обождать?

— Обожди, сынок, — говорит Цоллер и тянется к телефону. — Дежурный! Тут у меня один парень, устроился его часика на два. А и присмотрите, чтобы он ни с кем не болтал.

Сигара едва ли падает у меня из пальца. Ладно сделаем и становятся взяжими.

Вот так-то, сынок, — говорит Цоллер. — И не сердись, я тебе не злится. Ты же не знаешь, даже жене не могу сказать «ты» или «ты» если не посвятившись с кем надо. Ты парень смекалочный, и поэтому я не дерусь от тебя тайн. Покури у нас внизу и подумай хорошенько. А если и потом повторишь мне свою склаку, то я попробую решить, как быть дальше.

Жиринская цифра «13» азарт мимо в глаза в настенном календаре. Вот не верь после этого привидению! Или это не привидение? Или это привидение! Если мне доведется в на базе раз возвращаться, то, право слово, скожу я в лязгущую кирку и поставлю свечку святому Георгию, покровителю военных. Или нет? Пожалуй, мнеуж поздновато становиться верующими. Как-то, знаете, привык доверять к силам небесным вdeaux земных я привык помагаться на себя самого.

И потом ставлю свою бесмертную душу прошу: «Господи, я знаю, что, когда меня проводят вниз, Цоллер позовет в свою личную лабораторию состава СД и паснет подобную спираль я буду шлем штурмфюрера Фогеля. Это меня не пугает, ибо Фогель действительно служил во взвое Лемана.

Я мысленно опишула свою шею и убеждаюсь, что голова сидит на ее недостаточно прочно. Будем надеяться, что дело не дойдет до плахи в Мойбите. Но я не раз поболтается звездами. Как известно, звезда к звездам — профессиональный признак, роднивший меч собой астрономов и ночных сторожей.

— Всегда к услугам господина советника! — браво говорю я и покидою кабинет следом за дежурным, оставил Цоллера решать чисто гамаюковский вопрос: быть или не быть?

стало предоставило мне подвал особняка в Булонском лесу — малогутое помещение, где в ином, временем хранились колбы и окорока: сало, свиные сальные, сардельки и прочее. Платить в свою очередь, выдача Францу Леману, хромотый закуток с окном на задний двор. Стены комнаты окрашены в развеселенный оранжевый цвет; воздух густо настоен на карболовке. Деревянная скамья непременно посажена в бетонный пол, и расположившись на ней, я тщетно пытаюсь задремать.

Прошло уже три с половины часа, а советник Цоллер не думал вызывать меня. Что-то произошло. Но что? Меня слегка позабавляет от холода и тревоги, и я в головной забыла в своем виде пыль.

«Киль» — это патефон, — люблю говаривать ротный повар, отыскивавший от передовой во фронтовом госпитале СС. Печем патефон! Ах, да Знаете, как слушается... — постиньков нахвощенную пластинку, игла скользит себе и скользит, будто по маслу, и там, размытенный медленно, прикладывается уже, когда из дыма пригласят на танго, как вдруг кончик иглы срывается с бороды волны и волны, и игла, скользя, волны и волны, и вскользь хасок. А кто виноват? Какая избуша папашинка, кочкарочка, пустячок величиной с инфузорию, возникший на пути у стали и вызвавший катастрофу.

Так что же, катастрофа? Я закрыла глаза и примирилась перебрать в памяти детали разговора с советником. За что он меня зацепил? Готовясь к встрече с Цоллером, я мысленно вычертила скользящую путь, который я должна была пройти, чтобы попасть в кабинет Фогеля, и способом изображения. Не она ли подвела меня? Самое слабое место — «откровения» Фогеля. Цоллер, приложив к донесу Лемана логическую мерку, способен усомниться в том, что бывший штурмфюрер стал бы изливать Францу душу, и задать себе вопрос: а зачем? Зачем, спрашивается, надо Фогело звонить во все колокола о делахиках, вспыхнувших его беду?

Черный цвет окна плотен и непроницаем. Столь же черным и непроницаемым представляется мне близлежащая будка, — и я, схватив сквозь мрак, прошлам что в достоинстве обесцвеченного соцленда озаря, то пыла берграуна. Нет, это пуха все это: ложка и гадет. Ромашки только не хватает: любят — не любят. Одиссея с ромашками и Цоллером, преподносимого на подносе позолоченными клошами от светлого будущего... Проще, Леман!

Мозг мой, напичканный образами, устает от них, и я заставляю себя отключиться; вспоминаю давние вещи и девушку, которой назначено свидание по часам. Так что я склоняю, что я не сумел привлечь ее внимание, очищу глаза, смотрю в круге, очерченном вечерием фонарем... мглами таинства с голубыми глазами и в тубы-ладошках... Понимаете, она очи приподняла меня; и телефон ее я помню и имя. Вот приду назад и позову...

Вместе с холодом из-под двери просачиваются звуки. Звонки телефона, шаги, кто-то кашает; хлопает входная дверь. Нервы, натянутые ожиданием, отпускаются на них тихо-всом. Левая рука начинает привычно ныть, и я, прискусив губу, потираю прыщи на месте отпавших хиругром пальцев...

Сколько же можно ждать? Цоллер явно мудр: иже же я пересекла его и в мгновенном темпе советника ютился душа, труса? Вполне возможно, что он, взвесив то да се, решил, что карьера, конечно, весьма приятная штука, но возможность спать без тревог в собственной постели — еще более приятная. В таком случае он постарается отдельться от Лемана и сейчас прикладывает, как бы отчаянно, руку к груди.

Я, словно маг, взываю двух Цоллера и, маскируясь материализованной его, становлю в центре комнаты под крик светлышки. Кожа, как оледеня, спадает с него, обнажая не мышцы и артерии с венами, а нечто не имеющее названия и условно описанное тесофизом термином «божественная душа».

Что же она такое есть — душа, старшая служака, не подчиняющаяся при всех своих способностях вышестоящему? Или это просто мифическая достопримечательность, переданная по наследству через многое? Тарифит им Ярб... Одинокий ответ нет, но, вспомнив разом множество мелких штириков, я склоняю к мысли, что Цоллер вцепился-таки в дело Бардурга и, взяв меня за руку, приведет к бригаденфюреру. Кто бы он ни был — карьерист или позор, но прежде всего я и остается гештапчиком. Похоронить донес не просто глупость, а преступление, и это Цоллер не пойдет. Он тоже хочет жить — и не вечно же хочется жить, даешь и может быть, любоваться звездами. Впрочем, при всей опасности, когда Германия сломалась тем, кто стоял наверху, советник Цоллер след бы раскался Лемановей и упрятал бы Франца в

концлагерь. Но на дворе — сорок пятый. Бомбежки и война у самых границ отрезвили немцев, одновременно обрушили на империю девятый вал верности. После 20 июня 1944-го сам Гитлер вернулся в Берлин. И в финале фильма «Бардург» выглядят не постыдившим, требованием математических доказательств, а в иллюзии, удаляющимися в рамки житейского опыта. Красы бегут от корабля...

Красы, красы... Миланы красы...

Живой Цоллер — отнюдь не дух, материализованный мною! — стоит во всем. Черная писаница набрасывает на плечи, то есть губы расщеплены в полуумную Адриану, то есть колышатся у меня перед глазами, ридуксы кругами появляются на кончиках ресниц, а сознание работает, приказывая тварь встать.

— Сиди, сынок, — дружелюбно говорит Цоллер и примиряется у меня в ногах. — Не стоит подниматься наверх: здесь и светает и тише. Ты любишь, когда светло, или нет?

— Абсолютно, — говорю я совершившему искренне испрение.

Это хороший Правда, ты тем-то мне привинчиваешь к твоим краинам герман и честное лицо. Такое лицо должно быть у истоков родине и природе.

Словно, легковесные и мягкие, обволакивающие сознание, она ровно ничего не значит, и Цоллер вышибает ее, словно выплевывает кружевную завесу, за которой хочет скрыть сталь меча. Сейчас мне нужно быть особенно настороже, ибо мяч может вспороть мое горло, ибо мяч может вспороть горло через Франца Лемана.

Это хорошо, — повторяет Цоллер. — Засы, ма-ло что спит: разве что у, кого совесть чиста. А где найти таких? Понимаешь, мне больше придется иметь дело с дерьмом, ясно жизнь с ним вожусь, и знаешь ли, мечтаю напасть на ангела. Ты не сподал?

— Голос советник шутит?

Нет, — говорю я. Просто, если хочешь, удивляешься. И гадаю: или ты привык, каких мало, или беспредмет, как керамика.

Знакомая мне лавина собирается на лбу советника. Нежданчиковая сигара хрустит у него в пальцах, и на полы черной щинели смылаются крошки. Уже не струйка, а польная буря вспыхивает в щель под дверью, ходяя колоды. Ж

— Что это ты? — мягко говорит Цоллер. — А ты, оказывается, трусчишь?

Согнутые в коленях колени пальцем он цепает меня под подбородок и поворачивает лицо к себе.

— Ай-ай-ай... Теперь ты мне совсем не правишься, сынок. Всё головы! Нищего не будет, просто я спрошу тебя, ты, а ты ответишь. Премя и без уверток, как положено бойцу СС. Ну! Говорить быстро: что ты знаешь о Фогеле и Лизелотте Бомбали? Где она, по-твоему?

— Понятия не имею...

Всё головы! Ты знаешь, что ты... с, а как ты спасешь, жить дальше, сынок, если я сообщу тебе, что Фогель и бригаденфюрер Бомбали пропали без вести? Понимаешь: сиделкой нет, и от тебя зависит, повторять свою басенку или собрав мужество, признаться, что ты все выдумала и очень раскаиваешься.

Мне не стоит на малейшем труде изобразить изумление. Что Фогель должен был испечь — это закономерно, но отсутствие Мики — настоящий сюрприз. Выходит, Бардург оказался достаточно дальновидным, чтобы не полагаться на нежные чувства и убрать свидетельницу.

Мне не в чем расхваливаться, — говорю я и махаю рукой. Головы советника воально склоняются, не珑ные булавки, вырываются из него, заставляя меня вскликнуть брови в полном недоумения.

— Чудесно, сынок! — говорит Цоллер, стражая пальцы сладко щеки. — Я, что, я не ошибся на пойдем...

Соскучившиеся по теплу ноги сами несут меня из холодных комнат в протопленый кабинет советника. Цоллер подводит меня к столу и подталкивает в кресло. Достает пачку чистой бумаги.

— Ты ведь грамотный, сынок? — Так вот, пиши, и бой с ним, со стилем, и ошибками — главное, чтобы все стало на своих местах: где Бардург, а где англичанки, и так далее. Ты поняла меня? Пишь и тем подробнее, тем лучше. А когда закоханьша, мы опять поговорим, и, пожалуй, я задорю тебя обрадую. Идет?

— Да, господин советник, — отвечаю я и, приводя в движение, выворачиваю первую строку.

Но вперед, три листа плотной бумаги уходят у меня, чтобы изложить «дело Бардурга». Я стараюсь избегать подробностей, но опять зна, что именно они как раз подводят, и куда же, неж-

Июнь

К зеленым коленям июня щёкой
принадаёт,

Щекой перламутровой, словно
расцветший миндаль,—

Как много, как много я дней
проводила когда-то
в далёкие дали, откуда не будет
возврата,

В неумолимую белую-белую даль.
Когда серебром отливалася прозрачность,

И звезды, сверкая, ронялись,
как вихри шмелей.

Ведь я, это я выпускала рассветы
в простиры полей

Из двух рукавов. Словно птицы,
меня поищада,

Они улетали в ту синюю-синюю даль,
Туда, куда сине-синие смотрят глаза.

В любви мому сяд мой любимые иконы,
Сколько же я любила, сколько же я спала,

Как желтое блюдоице одну однажды
над прудом,

Быть может, синталася и плакалася,

в разлуке со мной.

И плакал и в грусти, быть может,

утешился чудом.

И капала алоя росой над равниной

земной.

Заря, омывавшая бесчувственные камни.

Что ни заря, то алая каша,

...На поле бесподобном. Белеет избушка

в глубокой дали,
Там сорвана крыша, там ластится
ветер и потемкал.

А дальше, на самом краю,

на краюшке земли —

Там прошлое бродит взъерошенным

белым, утенком.

Я рассудил опять потерпела.

Сколько раз я тебе повторяла:

Вернись!

С бону на бок душа моя

перевернулась,
Я в лице изменилась, в тоску по тебе
Окнулась — и грустное озеро

скрыто

То, что было крылато, а стало
бескрыло,

Ветер дрогнул, а ты бесседречен
и сльбы:

Неужели так трудно понять?

Сколько раз я тебе повторяю:

Вернись!

Я опять, и опять, и опять,
Слышишь, дранцы и тринды опять

От тоски по тебе тупорылые
И дожди, раздраженные порой.

Прекрасите в поденье сырой,
И порой, поразмыслила над тем,

что творится,

Солнце ищет ногами за горой.

И упрямая мельница вертится снова,

И теперь жернова невозможно
разнить.

Почему же меня ты не можешь.

Сколько раз мне еще повторяю
это слово:

«Вернись!»

Весна

Я помню прекрасное утро одно.
Текли изумрудные струи в озаре,
И были проэрзанье дно, чём окно,
И тепло земли молодело от влаги.
С небес покачивались ветви и корабли,
Как если бы нитки рванули на горле,
И скользили бусы горстами.

И кто-то старательно их собирали.

С обеих сторон бесконечной дороги

Сансара пахла лопухами в роях.

Она походила на руки и ноги,

Которые детством расшиблены

в кровь.

И пыль, кувыркаясь, как семя

льняное,

Летела стремглав на ноги знатных,

Которые из-под ног от варварии распусти-

ли и застегнули: поплыли всевесь —

Всё, некуда деться от слез!

Серебряным облаком

В алои заре

Началася весенняя передо мною —

Огромная лягушка

В огромном дворе.

И помню прекрасное утро весною,

Серебряным облаком

В алои заре

И весна вспомнила передо мною.

И я от мостора скакала в пугах,

Как скакут дитя и зверишка на воле,

И знала, что влаги ослаблен в ногах,

Что воздух насыщен синебелым

пневмоние.

Но там, где поля голубее морей —

Там сердце единственной мамы моей

Искalo меня на вздыхающем поле.

Перевела с кабардинского
Юнна МОРИЦ.

Лада ОДИНЦОВА

Я к вам пришла —
Там будьте же мне рады,
Как ради вы,
Когда этой сон неправда.
Когда приснился лишь
Мой колокольчик громкий,
А онбежал от вас,
Роняя слезы.

Памяти Н. СЕЛЬВИНСКОГО

Была расстремлена в сургубе ночном
Белые ветви,
Так он, облытые ветвями,
Светится гулко.

И разобьется луна, вот-вот разольется,
По переулкам пустынным,
По переулкам.

Кто обронил на дороге ее
Решину кирку?

Чьи следы покрывают пространство

немо, без крика!
Будто сердце, которое предано так,

Что уже не предать;

Скрипнет ли здесь та каликта,
Которой больше не скринуть!

Ранис РОМАНОВА

Вы думаете, это так легко —

Носки предохущение полета!..

Пчелы полет окончился летком.

Ей улей — цель, полет — ее работа.

Продленья жизни утренний инстинкт

Ей против воли крылья расправляет.

Прыгучий ей Чуть солнчино — летят

За многое вер, хлопочет

Но, скепто погнувшись в багдат

цветок, —

На поле жизни только арендатор,

Она не захлебнется ароматом:

Пыльца ей — хлеб, нектар —

питья глоток.

... снег в степи. А у леса —

терпкий мед...

И спит пчела, и тих членный домик...

А в путь предвкушу полет

и мучанье, что нет его так долго.

И улей мой — кирпичный дрезин

дом...

Уже замшел в бесподобном ондонах:

В других лугах летающие дощечки

К нему давно не мчится ни сиданье.

Затем, чтобы рассказать вам лета

запах,

Спешу искать нектар в ночи и днем...

И может статься — ворочусь

внезапно

А улей пуст... И ложка дегтя

в нем...

По перелескам осень заняла...
Кармино-красны плоды рябины,

Кости кустов и бересклета вах

Боль, электрически пролегают мыло.

Мы всё спешим: торопят нас года,

Удача, неудача, улованья, —

А узкая зернивая вода...

Попка, позора, мудрости, молчанья...

Куда спешить? О чем пытать судьбу!

Озерам родники дают питание...

А мы дорог, прощания, встречи —

сумбур —

Все объясняем наждою познанью...

Алла ТЕР-АКОПЯН

Дыханье моего календаря...

Под облаком, легчайшим, словно

двесто,

озванических виноградин совершенство

и тихое шуршание октября.

И зорение

не покидает лиц.

И вдохновение —

как неизбежность.

И заливает медленная нежность

глаза до самых кончиков ресниц.

Жить на земле без траха!

Юрмала

Сынника уснул.
Владимир вспомнил
свои на плечи маленького сна.
За океаном море шумят по-латышски,
и в форточку дышит озоном сосны.

А комната наша тиха и чиста.
И только с какой-то печально

старинной

комар длиннющий, как инновида,
вонзает мне в ухо свой гимн

малайский.

Чужая природа застыла в окне.
И кто-то застыл во мне наевает.

И тише, чем здесь, на земле

не бывает.

И Юрмала вдруг поддается по мне:
как и телу лето,
к песни рева,
и нам к поэзии
его строка...

К тебе влекусь,
Как в хомя чуты видеть слова!
Весь шаг земной — весенний
расцветший куст.

И ты — цветок дыхания земного.
Как я люблю твоих нагорий груст...

Люблю сирень твою,

Внезапным с утра
Над городами,
Над деревнями,
Над пашней,

И голос труб,

И голос комара...
Блаженства зву,

С утра сиренью ставший...

Словно пыль,
Этих дней суматоха.
Ускользающий вкус затяжного
вздоха

Мне теперь им к чому.
И другую страницу начну.

Только чеем ее поле заполню?

Я молчу не твержу истилло,

Я теряю пристрастие к словам,
Члечи меня так

Отрешенно

Поднести твою руку к губам.

Хвоги,
Дожди,
Снегопады.

Рельсы,
Молчанная грусть...

Я никогда не умела
Читать на лице твоем, Русь.

Солнце меня ослепило,

В горные горы труба,

Жить на земле без траха!

Смена полвека

Лауреаты Всесоюзного конкурса артистов эстрады Нина и Аллаан Гайдаровы. Аниматоры им. С. Кошкинки (виолончель) и М. Хазанова (рояль).

Исполнитель цыганских песен Ян Демент и инструментальный ансамбль в составе: Л. Кауман, Ю. Мухин, Г. Мельников и М. Тулинов.

Просто и задушевно прозвучали лирические песни в исполнении певицы Валентины Толкуновой.

Геннадий Хазанов может спародироватьного угодно...

Заслуженный артист РСФСР Илья Суржинский вместе с ансамблем «Капитанс» в составе: К. Авксентьев, Н. Банов, О. Соловьёв, В. Кротов, Ю. Волков, А. Коновалов, Г. Ануфриев.

Сдано в набор 18/1 1974 г. №00729. Подписано к печати 11/II 1974 г. Формат 70×108½. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 474. Знак № 1709. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Остроумный и злободневный был номер певца Олега Минеева и лауреата Всероссийского конкурса артистов эстрады Сергея Дятлова.

Поэт заслуженный артист Северо-Осетинской АССР, лауреат Всесоюзного конкурса молодых писателей Владимир Манаров в сопровождении инструментального ансамбля «Сокольи»: Гаранов, В. Терехов, Н. Тюрина, Н. Ларичев, В. Ефимов и Б. Дегтярев.

Солист Государственного академического музыкального театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко Николай Соловьев. У рояля — композитор З. Колмановский.

Лауреаты Всесоюзного конкурса артистов эстрады — Раиса Цызина, Валентин Влас, Ирина Вегас.

Лауреат Всероссийского конкурса артистов эстрады Вадим Маратов.

В руках заслуженных артистов РСФСР Натальи Степановой и Игоря Дивова музыка становится живым...

Композитор Ян Френкель исполняет свою песню «Эй, как это может только он...»

Лауреаты X Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине и V Всероссийского конкурса артистов эстрады Наталья и Олег Кирюдинские.

Как всегда, ярким и запоминающимся было выступление Елены Арнольдовой и Григория Дудника.

МИЛЫЕ КРАСАВИЦЫ РОССИИ

Стихи Ярослава СМЕЛЯКОВА
Музыка Бориса ВЛАСОВА

В буре электрического света
умирает юная Джульетта.
Праздничные бруски и похни
голосок Офелии тревожит.

В золотых и темно-синих блестках
Золушка танцует на подиумах.
Наши сестры в полутемном зале,
мы о вас еще не написали.

В бледнющих подземных, в кое в склонке
наши жены примеряют наряды,
Не в садах Перро, но на Урале
вы золото занято удобрениями.

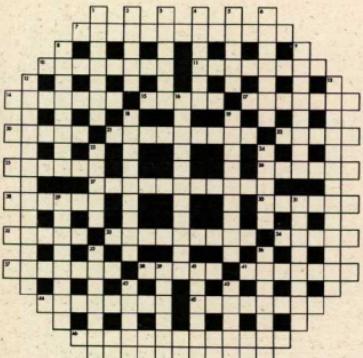
На носильных длинных под навесом
умирают русские принцессы.
Возле, в государственной печали,
тихо плюмажчики стояли.

Славь вы бушлаты и шинели,
стареные туфельки наследия.
Мы еще оденем вас шапками,
плечи вам согреем соболями.

Мы постромим вам дворцы большие,
милые красавицы России.
Мы о вас напишем сочиненья,
полные любви и удивления.

КРОССВОРД

Составил
Н. ИМАНАЛЕВА,
г. Фрунзе

По горизонтали:

7. Раздел математики; 10. Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда; 11. Музикальное исполнение и оператор; 14. Цветок; 15. Древо, из бобов которого приготовляется шашлык; 17. Автор поэмы «Погребение Евстигнея»; 20. Морской путешественник; 21. Небольшой ресторан; 23. Слова и песни, романы; 25. Женщина, имеющая в Байдала; 26. Молодость, благоприятная для личной и отцовской; 27. Областной центр советского Союза; 28. Промысел Всевышнего; 30. Единица измерения углов; 32. Животворящий, воссоздающий; 33. Способ изображения картин, фотографии; 34. Орган, состоящий из семейства звончих; 37. Азбука; 38. Соотношение музикальных звуков по высоте; 41. Единица измерения времени; 42. Геометрическая фигура; 45. Один из создателей фильма; 46. Литературный сотрудник периодической печати, радио.

По вертикали:

1. Город на берегу Кубани; 2. Участник спортивной команды; 3. Столица государства на Ближнем Востоке; 4. Самый большой в мире судовой ленинградский; 5. Горизонтальная горка в парке; 6. Писательница Шолохова; 7. Письменная работа; 8. Картина Т. Г. Шевченко; 9. Пример, показывающий особенности жидкостей; 12. Чемпионка мира по шахматам; 13. Всесоюзный народный художник; 16. Вещество, изменяющее скорость химической реакции; 18. Китайская писательница; 19. Центральная деревня; 23. Киргизский народный певец; 24. Столица Республики Алтай; 25. Адмирал; 26. Растение пустыни Средней Азии; 31. Аппарат для автомобилей, имеющий узкий ремень; 35. Древнегреческий философ и математик; 36. Красивая геометрическая фигура; 39. Линия, определяющая путь движения транспорта; 40. Пирамидальный построенный цикл процесса; 42. Музикальный инструмент, распространенный в Африке и Германии; 43. Композитор, автор оперы «Анда».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

5. Стороцкий; 6. Гайдар; 9. «Ограждение»; 10. Осипов; 14. Оклад; 15. «Тамара»; 16. Морозов; 17. Григорьев; 18. Зенона; 21. Островградский; 22. Жигач; 24. Толстой; 27. Ведро; 31. Синявин; 32. Галит; 33. Синегор; 34. Конев; 35. Ат-ропин; 36. Паустовский.

По вертикали:

1. Штурман; 2. Хрипко-ва; 3. Задорожный; 4. Басков; 5. Шанде; 7. Гаврилов; 10. Акимов; 11. «Элементы»; 12. Абдуллаев; 17. Косаг; 18. Берет; 19. Касал; 20. Зимев; 23. Авидзаб; 25. Овчинников; 26. Ортотек; 28. Есенин; 29. Караван; 30. Эстония.

Весна-74

В ЭТОМ КОСТЮМЕ УДОБНО РАБОТАТЬ, А ВЕЧЕРОМ МОЖНО СХОДИТЬ В ГОСТИ ИЛИ В ТЕАТР.

СЕГОДНЯ ПОПУЛЯРНО СОЧЕТАНИЕ ГЛАДКИХ ТКАНЕЙ С ПОЛОТНОМ В ГОРОШЕК, ПОЛОСКУ ИЛИ КЛЕТКУ.

ОДЕЖДА ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА.

Цена номера 20 коп. Индекс 70820

